

Валерий Михайлов

*Господь
и покойник*

Валерий Михайлов
Господь и покойник

«Издательские решения»

Михайлов В.

Господь и покойник / В. Михайлов — «Издательские решения»,

ISBN 978-5-44-744766-3

В сборник вошли повести и рассказы, героям которых пришлось столкнуться с бездной, где гостя ждут самые потаенные страхи. Там ему приходится посмотреть в глаза бытия, не прикрытого покрывалом обыденности. Того, у кого нет жезла интуиции, чаши сочувствия, меча разума и пентакля мужества, она поглощает раз и навсегда, превратив его существование в ад. Но перед тем, кто сможет преодолеть все уготованные ему препятствия и сохранить душу, открывается Мир во всем его великолепии.

ISBN 978-5-44-744766-3

© Михайлов В.
© Издательские решения

Содержание

Господь и покойник	6
Про любовь	46
0	46
1	48
2	57
Конец ознакомительного фрагмента.	58

Господь и покойник

Валерий Михайлов

© Валерий Михайлов, 2018

ISBN 978-5-4474-4766-3

Создано в интеллектуальной издательской системе Ridero

Господь и покойник

Как я понял, что мертв? Никак. Просто понял и все, как до этого понимал, что жив. На каком-то животном уровне, что ли. Как и любой другой нормальный человек, я просто знал, что жив. Никто кроме особо больных на голову философов не терзает себя по утрам вопросом: «А жив ли я?». Так на то они и философы, чтобы мастурбировать словами, высасывая из чего-то там ответы на высосанные оттуда же вопросы. При этом философы почему-то склонны считать, что реальность просто обязана следовать их словесным нагромождениям или быть такой, как они о ней думают. Нормальные люди, вместо того, чтобы отправлять философов к квалифицированным психиатрам, как дикари на бусы кидаются на их заумные словесные нагромождения. Потакая философам, люди устраивают войны, принимают идиотские законы, насаждают религии, дурацкую нравственность и все то, что потом мешает нам жить. Нет, есть, конечно, среди философов люди вроде Шопенгауэра и Ницше, которые вместо херни вселенского масштаба, – вот уж действительно наилучшее определение философии, – решают вполне практические жизненные задачи, а именно как лучше себя вести в обычной жизни и на пути к познанию...

Вот и я расфилософствовался. Как же все-таки смерть портит характер человека!

Приношу свои извинения и перехожу к делу:

Проснувшись примерно в 3 часа ночи 11 января 2011 года, я понял, что мертв. Сначала я решил, что это – кошмарный сон или бред, или еще какая фигня в том же духе, но чем больше я пытался в этом разобраться, тем больше убеждался, что мертв. Смирившись с фактом собственной смерти, я сначала растерялся: умираем-то мы без всякой подготовки, не зная как себя после этого вести... Затем, после растерянности пришло разочарование. Я был мертв, но без малейшего намека на тоннель, выход из тела и прочее шоу, которое якобы должно происходить после смерти, и о котором так любят судачить наслушавшиеся переживших клиническую смерть граждан сторонники жизни после смерти. Вот только клиническая смерть – это далеко не смерть, а всего лишь остановка сердца, в результате которой наступает гипоксия или кислородное голодание мозга. А раз так, то собираемые Моуди и сотоварищами истории о красочных переживаниях во время клинической смерти, есть не более чем коллекция описаний вызванных удушьем трипов.

Я же умер не клинически, а по-настоящему. Умер и все. Умер легкой смертью во сне.

Я где-то читал, что, покинув тело, душа сначала не понимает, что умерла, и пытается вести себя, как при жизни, но только ничего у нее не получается. Она не может пользоваться предметами, ее не замечают живые, и так далее. Со мной же ничего подобного не было. Во-первых, я не покидал тело, а продолжал находиться в нем; во-вторых, я прекрасно мог пользоваться предметами, что и продемонстрировал себе, поправив подушку и одеяло; в-третьих, живые люди... ну да об этом позже.

Я не превратился ни в призрака, ни в зомби, ни в какую еще фольклорную химеру. Я был точно таким же, как и при жизни, но только мертвым. И если раньше я говорил, что за 40 лет, а именно столько я прожил, в моей жизни ничего не изменилось, то и со смертью не изменилось ровным счетом ничего. По крайней мере, пока. Все было, как всегда, и если бы не понимание того, что я умер...

Спящая рядом Валюша сладко потянулась во сне и перевернулась на другой бок, повернувшись ко мне спиной.

Бедная моя девочка, – подумал я. – У нас же в стране не только жить, но и умереть нельзя по-человечески: мало того, что за все сдерут по семь шкур, так еще и запаришься бегать по инстанциям... А потом опять беготня со справками по всем этим ЖКХ, горгазам и прочим филиалам гестапо и инквизиции... Короче говоря, когда у нас в стране кто-то умирает,

ближайшие родственники попадают в настоящий инстанционный ад – самый ужасный из всех мыслимых и немыслимых адов. Когда я представил, что ждет мою милую, нежную, ласковую Валюшу, мне стало так тошно, что глаза сделались мокрыми от слез.

А еще я представил, как утром она проснется, а рядом с ней холодный окоченевший труп. Про холодный и окоченевший я для красного словца приписал, так как коченеть я не коченел. Представил я себе Валюшину реакцию и понял, что надо бы ее предупредить заранее.

– Валюш, – тихонечко сказал я, – проснись, любимая, надо поговорить.

Сам говорю, а сам аккуратно ее трогаю за плечо.

– Отвали, – сонно огрызнулась она, – я спать хочу.

– Валюша, это серьезно.

– Утром поговорим.

– Валюша, солнышко, нельзя утром.

– Ну что еще? – спросила она, поворачиваясь ко мне лицом.

– Валюш, ты только не плач и не расстраивайся...

От этого моего вступления ее глаза заметно округлились.

– Ты только не расстраивайся, – повторил я, – но ты должна понять, что я умер, и назад дороги нет. Прости, но тебе надо сейчас позвонить в «скорую» или в милицию...

– Ты что, совсем дурак? – перебила она меня.

– Валюш, я понимаю, тебе тяжело это принять, но...

– Да какого хрена с тобой стряслось?!

– Я умер, Валечка. Умер во сне, и теперь...

– Да что ты несешь!

Она смотрела на меня, как на идиота и не понимала, не хотела понимать.

– Ты что, серьезно? – начало до нее доходить.

– Ну да, – ответил я.

– Три часа ночи, – простонала Валя, посмотрев на часы. – Ладно, пошли чаю выпьем, раз такое дело.

– Валя, ну какой может быть чай. Я же умер.

– Ты сам встанешь, или тебя с кровати сбросить?

Вот что с Валечкой совсем не стоит делать, так это ее злить. Тут она не посмотрит и на смерть... Зная это, я решил с ней не спорить. Я встал с кровати, надел тапочки. Затем включил свет и помог Валюше надеть тапочки.

На кухне Валюша села на свое место, а я встал возле стола и растерянно на нее посмотрел.

– Ну, чего уставился, как бедный родственник? – отреагировала она на это.

– Ну я не знаю, – еще больше растерялся я, не зная, как себя вести, будучи покойником.

– Ставь чайник!

– Валюша, милая, рано или поздно тебе придется признать очевидное, – завел я свою шарманку, ставя чайник.

– И что? – устало спросила она.

– Тебе нужно позвонить, чтобы потом не было вопросов.

– Никуда я не буду звонить. Отвали!

Валю явно злили мои попытки объяснить положение дел.

– Ну давай я сам позвоню.

– Куда?

– В скорую. Вызову, а они уже пусть как приедут, констатируют смерть.

Едва я договорил, Валя так больно щелкнула меня поносу, что я айкнул.

– Больно? – спросила она.

– Еще бы.

– А вскрывать тебя будут вообще без наркоза. Ты этого хочешь?

Об этом я, честно говоря, даже не подумал.

– Но надо же сообщить... – совсем уже неуверенно пролепетал я.

– Никуда не надо сообщать.

– А как же труп в доме?

– Никак. Пока ты разговариваешь, ходишь... никто ничего не поймет. Ты, главное, не болтай. Хорошо?

– Хорошо, – не стал я с ней спорить.

– Так с чего ты взял, что ты умер? – спросила Валя, когда я разлил свежесваренный чай по чашкам.

– Ни с чего. Я просто понял, что мертв.

– И тебя не смущает, что ты говоришь, ходишь, пьешь чай?

– Это все объяснимо.

– Понятно... Но должны же быть у тебя какие-то основания так считать?

– А какие у тебя основания считать, что ты – это ты?

– Ну, не знаю... А кто?

– Вот именно. Ты просто знаешь, что ты – это ты, и все. А все основания – это пустые рационализации. Так и я просто знаю, что я мертв.

– Похоже, спорить с тобой бесполезно, – решила Валя.

– Это потому, что я прав.

– Ладно, ты, может быть, и умер, а я еще жива и хочу спать. Пошли в постель.

– А тебя не смущает наличие трупа в постели?

– Тебя что ли?

– Ну да. А кого еще?

– Пошли спать.

Валя решила твердо стоять на позиции отрицания, и мне ничего не оставалось, как подчиниться. Ее упрямство и раньше отличалось нестигаемостью, а сейчас, после моей смерти...

Вздыхнув, я поплелся вслед за Валею в постель. По дороге мне пришло в голову, что на моем месте спокойно лежать намного естественней и логичней, чем бродить по квартире и спорить с женой. Эта мысль, как говорят гадалки, мое сердце и успокоила.

Уснул, если это слово ко мне теперь применимо, я быстро, и даже видел какие-то дурацкие сны. Разбудил нас с Валею традиционный утренний будильник. При жизни я каждый раз подрывался по этому сигналу и начинал совершать на скорость одну и ту же нелепую последовательность действий, которая заканчивалась моим возвращением с работы. Решив, что смерть избавила меня от необходимости работать, я почувствовал себя счастливым человеком. Уже только ради того, чтобы никогда больше не идти на работу, стоило умереть. Дождавшись, когда Валя отключит будильник, я перевернулся на другой бок и приготовился спать, как минимум, до появления официальных лиц, которые должны будут констатировать мою смерть. У Вали по этому поводу было совершенно противоположное мнение.

– А ты чего вылеживаешь? – спросила она, видя, что я не собираюсь вставать. – Хочешь опоздать на работу?

– Какая работа, милая, – принялся я в очередной раз терпеливо объяснять, – я же умер.

– Ну и что?

– Мертвые не работают.

– Как знаешь, – ответила на это она, и в ее голосе нетрудно было заметить холод и недовольство.

Валюша отправилась завтракать, я же, как и положено уважающему себя покойнику, остался безмолвно и с достоинством лежать там, где меня застала смерть... Хрена с два! Вместо этого я, как последний живой подкаблучник, бросился вслед за ней. Я сел рядом за стол и уставился на нее должно быть собачьими глазами.

– Ну что тебе? – раздраженно спросила она.

– Валюша, милая... Я понимаю почему ты не желаешь принять очевидное, но работа... Как я туда явлюсь? Что обо мне подумают люди?

– А мне плевать, что о тебе подумают люди. Но если ты на работу не явишься, тебя выгонят, и тогда не только прощай шуба, но и прощай машина, и вообще все прощай. Ты этого хочешь?

Мы как раз собирались после работы поехать купить Валюше шубу. А еще мы недавно взяли в кредит машину, исключительно с расчетом на мою зарплату, без которой...

– Но я же умер!

– И что?

Ее холодное «и что» заставило меня растеряться.

– Иди на работу, и не вздумай никому ничего такого ляпнуть. Ты понял?

А что тут было не понять? Конечно, логика и здравый смысл были на моей стороне, но у Вали был намного более грозный аргумент: ей было наплевать и на логику, и на здравый смысл, и вообще на все мои аргументы. Короче говоря, мне ничего больше не оставалось, как быстро одеваться и мчаться на работу. На завтрак у меня уже не было времени, и разве мертвым положено завтракать?

На работу я примчался в самый последний момент. Едва я сел за стол и включил компьютер, позвонил шеф.

– Как доклад? – спросил он.

– В электронном виде готов.

– Перешли его мне и сам дуй сюда.

– Понял.

– Чего-то ты сегодня какой-то всклокоченный, – заметил шеф, после того, как мы обменялись приветствиями и сели он в свое кресло, а я в кресло для посетителей.

– Это потому, что я ночью умер, – вырвалось у меня.

– В смысле? – спросил он и как-то странно на меня посмотрел.

– В самом, что ни на есть прямом, – признался я.

– Надеюсь, это не отразится на сегодняшнем совещании? – немного нервно спросил он.

– Нисколько.

– Вот и хорошо, – успокоился он, – только приведи себя для начала в порядок.

– У меня будильник сломался, поэтому я вот так... – зачем-то соврал я.

– Ладно, готовься к совещанию. Да, и не ляпни там ничего такого. Руководство подобный юмор не любит.

– Это само собой, – поспешил я заверить шефа. – Что я не понимаю, что ли...

– Вот и хорошо, что понимаешь.

Разговор был окончен, и я отправился к себе. Надо было приводить доклад в надлежащий бумажный вид. Я всегда ненавидел и никогда не умел оформлять красиво свои работы, за что страдал сначала в школе, потом в институте, а потом и на работе. До тех пор, пока я не стал неофициальным замом шефа и не смог перекладывать эту и другие головные боли на плечи неофициально подчиненных. Оформлением моих докладов у нас традиционно занималась Леночка – миловидная, хоть и полноватая брюнетка околотридцатилетнего возраста. Ее стол располагался рядом с моим.

– Леночка. Нужно оформить все к сегодняшнему совещанию, – поставил я перед ней задачу.

– Сделаю, – ответила она.

Наверно, стоит сказать несколько слов о своей работе. Работал я менеджером среднего звена в ростовском филиале московской фирмы, торгующей мебельной фурнитурой. Наш

отдел в составе пяти человек занимал комнату на втором этаже одного из цехов производящего в годы советской власти металлолом завода. При перестройке завод благополучно стал, и его помещение, словно крысы, оккупировали кооператоры. А потом, когда эпоха челноков и не состоящих на госслужбе бандитов канула в лету, территорию завода выкупила наша фирма. Цеха превратились в склады, а в помещениях бывших «отделов» и заводоуправления разместили менеджмент.

Нашему отделу досталась комнатка как раз на пять столов. Обычное совковое помещение, как в каком-нибудь БТИ или собесе. Водоземляная, линолеум... Окно, правда, металлопластиковое. На подоконнике несколько цветков в горшках – это вотчина Леночки.

Ну и мы: я, Леночка, Виталий Иванович, Юра и Максим Петрович.

Леночка была трагически замужней матерью двух дочерей. Обычно она прятала свою трагичность за неубедительной улыбкой на милом лице с по-собачьи печальными глазами. Мужу она мстила, самозабвенно раздвигая ноги перед практически каждым желающим. Как-то раз, выпив водки на каком-то корпоративе, она слишком откровенно излила мне душу. Я этим не воспользовался. В результате мы стали хорошими взаимовыгодными друзьями. Она периодически мне исповедовалась, а в благодарность за это помогала, чем могла. Сослуживцы считали нас любовниками, но этого между нами не было ни разу.

Виталий Иванович был предпенсионного возраста легендой фирмы. Среднего роста, худой, с повадками, как у Ленина в большевистском кино. Достался он нам в наследство от завода, и был незаменимым человеком в случае споров или скандалов. Поэтому у нас с ним никто не хотел связываться. Рассказывать о нем можно бесконечно долго, так что к нему я наверняка еще вернусь. А, может, и нет.

Юра мой ровесник и неудавшийся хиппи. Возможно, он и стал бы каким-нибудь бродячим музыкантом, если бы вовремя не женился. Жена окончательно обескрылила его мечту, родив сначала одного, а потом и второго сына. С тех пор мечта давала о себе знать только, когда он ностальгически пил водку. Пил он ее не часто, но всегда ностальгически и всегда под гитару. Когда мы пили вместе, то обязательно под «Безобразную Эльзу». Это, если кто не знает, песня группы «Крематорий».

Максим Петрович пришел к нам фактически перед самой моей смертью, так что о нем мне сказать нечего.

Меня можно охарактеризовать одним единственным словом: покойник.

На конференции мой доклад о мероприятиях по повышению кармических надоев домохозяек (так мы с моей подачи называли всю ту фигню, повышение которой считалось нашей первейшей обязанностью) был основной темой дня. Читать его, разумеется, должен был шеф, а от меня требовалось вовремя в случае чего подгавкнуть. Темой я владел, так что роль суфлера меня не пугала. Поэтому, дав задание Леночке, я погрузился в мысли о собственной смерти.

Смерть моя не лезла ни в какие рамки. Нормальный покойник, он что? Лежит себе молча, остывает, коченеет, разлагается, а я... Мало того, что хожу, болтаю, спорю с женой, я еще и работаю. И ни одна падла не догадывается, что со мной что-то не так. А это уже не смерть, а водевиль какой-то! Этакая шутка в духе судьбы.

В качестве «объяснений» в голову лезли теории одна краше другой. Хоть книги пиши. Так, например, мое сознание могло создать нечто вроде виртуальной копии того мирка, в котором я обитал при жизни, и теперь оно там прячется от реалий собственного небытия. Эта теория, кстати, легко объясняла, почему перед смертью перед глазами человека пронесется вся его жизнь. Перед моими глазами, кстати, ничего не пронеслось. Или же после смерти я мог попасть в некую параллельную посмертную реальность, как две капли воды похожую на ту, где я жил... А самым «рациональным» объяснением было бы мое сумасшествие или сон. Приснилось же Валухиной тете, что она шотландский дворянин 18-го века, и не просто приснилось,

а за три ночи (сон оказался трехсерийным) она полностью прожила его жизнь от рождения и до смерти в старости.

В конце концов, я вспомнил вычитанную у Роберта Уилсона задачу Эйнштейна про исследователей и лифт, и несколько успокоился. Эту задачу Эйнштейн любил задавать студентам: Есть некая замкнутая кабина с исследователями, которые не могут ни выйти, ни выглянуть наружу. При этом у них есть все необходимые измерительные инструменты. Один исследователь, решив, что они стоят на поверхности планеты или астероида, описал физическое состояние тел внутри кабины на основе закона тяготения. Другой, предположив, что они движутся с ускорением, описал физическую картину внутри кабины на основе уравнений движения. В результате у исследователей появилось две полностью описывающих физическое состояние тел модели реальности. Теперь вопрос: какая из этих моделей верна? Как утверждал Эйнштейн и многие другие уважаемые ученые, с точки зрения физики верны обе гипотезы, так как они обе позволяют с достаточной точностью решать все необходимые физические задачи. И если исходить из этой логики, то раз после смерти все продолжает идти своим чередом, нет никакой разницы, жив я или мертв. Хотя, одна принципиальная разница была: я-то точно знал, что мертв. Ну да люди живут и не с такими скелетами в шкафах.

Как утверждали советские плакаты (возможно, сейчас эти числа изменились), каждая выкуренная сигарета сокращает жизнь на 5 минут. Если я правильно вспомнил, каждые сто грамм водки, по мнению борцов с употреблением алкоголя, обходятся нам в 20 минут, но тут я, скорее всего, ошибаюсь. Возможно, информация про курение запомнилась мне лучше потому, что, согласно тем же плакатам, «курящая женщина кончает раком». А вот о том, как кончает женщина пьющая, советская пропаганда умолчала. Но вернемся к теме: Каждое собрание отнимает у нас по несколько часов жизни; служба в армии – 1 год, плюс причиненный урон здоровью за этот период; работа – от 8 часов в сутки. При этом любая попытка защитить свое здоровье и жизнь от поистине убивающих нас факторов карается как минимум лишением средств к существованию, а в случае «незаконной» попытки защититься от вредоносного влияния армейской службы – еще и лишением свободы. Зато с табаком и алкоголем у нас борются чуть ли не на каждом углу, а за практически безвредную анашу так вообще отправляют за решетку. Похоже, бороться на нашей сумасшедшей планете принято лишь с тем, что приносит не столько вред, сколько удовольствие. И это мазохистское отношение к удовольствиям фактически заложено в нашей природе. Не зря же все ставшие массовыми религии считают наиболее тяжкими грехами наиболее милые и безобидные удовольствия. И это не религии нас сделали мазохистами, а встроенный в нас мазохизм заставил нас выбрать именно осуждающие радость религии.

Совещание, как обычно, обещало быть основательно затяжным и бессмысленным, поэтому я, после того, как все обменялись приветствиями и заняли свои места, приготовился медитировать на докладчика...

Как я относительно недавно понял, по отношению к времени люди делятся на две весьма неравные категории. Большинство старается убить каждую свободную минуту. Для этого и существуют всевозможные клубы, дискотеки, тусовки, делание чего-то там в гараже, выращивание картошки на даче и прочие подобные занятия. На собраниях такие люди обмениваются СМС-ками, рисуют чертиков в блокнотах... короче говоря, считают ворон. Вторая малочисленная категория людей дорожит каждым мгновением своего времени, стараясь прожить с пользой и удовольствием каждый временной квант. Осознав это, я примкнул к меньшинству. Поэтому, чтобы не растрчивать зря время довольно-таки частых совещаний, я придумал эту медитацию. Во время очередной панихиды (так вслед за папой я называю любые собрания) я сажусь ровно. Если докладчик не носится по залу, а находится передо мной, фиксирую на нем взгляд. В противном случае я смотрю просто перед собой. Затем я начинаю,

как бы смотреть не наружу, а вовнутрь головы, на точку на затылке, расположенную между глазами, а затем смотрю уже как бы из нее. После того, как взгляд сфокусирован, я начинаю внимательно слушать докладчика, но не слова, а звук его голоса. При этом в идеале слова, перестают быть словами, то есть я вообще не улавливаю их смысл.

Так я медитировал до тех пор, пока шеф не попросил меня уточнить кое-какие детали по докладу. Для меня его просьба стала чем-то вроде удара дзенского мастера посохом по голове. Я вдруг понял, что раз я умер, то я У!М!Е!Р! Я пересек финишную черту, и все, что могло случиться со мной при жизни, уже случилось. Все, что могло, уже произошло. Я больше не боялся умереть и, следовательно, не боялся сопутствующих смерти страхов, включая страх неизвестности перед «после». Впервые... чуть не написал впервые в жизни! Впервые я почувствовал себя свободным! Я вздохнул полной грудью и достиг, наверно, того состояния, к которому стремятся самураи, воображая по несколько часов в день себя мертвыми. Я был мертв, и это было лучшим, что когда-либо со мной происходило.

Это откровение чуть не заставило меня пуститься, как какого-нибудь Чайтанью в пляс прямо на собрании. Еле сдерживая себя, я выдал требуемые шефом уточнения, и они прозвучали, наверно, как диктуемая пророком сутра Корана. Когда я замолчал, все как-то странно посмотрели на меня, а после собрания шеф выдал:

– Лихо ты! С меня причитается.

Это означало, что на шубке для Валюши можно будет не экономить.

Когда я вернулся с работы, Валюша суетилась на кухне. В квартире приятно пахло едой.

– Есть будешь? – спросила она.

– Еще бы! – ответил я. – А что?

– Ничего кроме еды. Раздевайся и мой руки.

Едой оказался борщ, котлеты с гречневой кашей и пышки на простокваше.

– Когда ты все это успела? – восхитился я.

– Я у тебя кто? – довольная собой спросила Валя.

– Волшебница.

– Тогда чему ты удивляешься?

– Королева, я в восхищении.

– Как дела? – сменила она тему.

– Прекрасно. Шеф пообещал премию, так что...

– А с твоим бредом?

– Ты о смерти?

– А о чем еще?

– Смерть – дело необратимое. Но я даже счастлив, что так получилось.

– И что ты собираешься делать?

– Ехать после еды за шубой. А ты?

– Не заговаривай мне зубы!

– Жить посмертной жизнью, или как это называется. Короче говоря, все то же. Не бойся, я никому ничего не собираюсь сообщать. Раз жизнь и смерть – одно и то же.

– Я бы на твоём месте сходила к толковому психиатру.

– Зачем? Чтобы он убедил меня, что я жив? Так я и так, как Ленин: живее всех живых.

– А если это начало чего-то серьезного?

– Что может быть серьезнее смерти? К тому же покойниками занимаются не психиатры, а патологоанатомы. А к патологоанатому я не хочу.

В ответ Валюша пробурчала что-то неразборчивое. На этом наш разговор закончился. Валюша демонстративно на меня сердилась, и в таком состоянии ее лучше было не трогать. Оттаяла она только в магазине, где кроме шубки мы купили ей отличные сапожки под эту

шубку и сумочку. Премия должна была все покрыть, а если нет, то и хрен с ним. Что точно не стоит откладывать на потом, так это радость.

Вернувшись, мы отпраздновали покупки, выпив по бокалу хорошего вина, и отправились спать. Но мне было не до сна. Посмертная эйфория требовала выхода, и я набросился на Валюшу. Сначала я зацеловал ее буквально с ног до головы, затем заставил ее кончить мне в рот, после чего истязал ее еще минут сорок.

– Ты не сильно шустрый для покойника? – довольно спросила она, когда я рухнул рядом с ней, не забыв о посткоитальных поцелуях.

– Ничего нет прекраснее смерти, – процитировал я Калугина и провалился в глубокий сон.

Проснулся я от кошмара: мне приснилась вечность.

Утром у проходной я столкнулся с шефом. Судя по его лицу и характерному запаху изо рта, он был сильно «после вчерашнего».

– Зайди ко мне, – сказал он.

– Хорошо. Когда лучше зайти?

– А давай прямо сейчас. У тебя неотложных дел нет?

– До пятницы я совершенно свободен.

– Вот и хорошо.

В кабинете мы поговорили минут пять для приличия о работе, затем шеф достал из холодильника бутылку коньяка лимон, сахар и кофе. Посыпанный сахаром и кофе лимон был любимой закуской, не помню уже какого, русского царя. И пусть пажы сколько угодно утверждают, что так коньяк пить нельзя. По мне так цедить крепкое пойло глотками – сущее издевательство над собой. Лимон же делает употребления коньяка исключительно приятным занятием.

После первой рюмки шеф оживился.

– Ты не задумывался о том, что в системе эксплуатации человека человеком что-то не так? – спросил он, ставя на стол коробку с сигарами. – Угощайся.

– Спасибо. Честно говоря, не думал. А с ней что-то не так?

Насколько я разбираюсь в эксплуатации, эксплуатация – это присвоение результатов чужого труда. Правильно?

– Наверно, – согласился я, не в силах вспомнить правильное определение этого достойного процесса.

– И когда тот же плантатор присваивает себе выращенный неграми урожай, тут все нормально, – продолжил он, – тут мы видим наглядный пример эксплуатации в действии. То же самое наблюдается в отношениях помещика и крестьян, владельца и работников завода и так далее.

– Согласен.

– А теперь скажи мне, что производим мы?

– Мы не производим. Мы впариваем. В наш век это весьма важное дело, – нашелся я.

– А вот тут ты ошибаешься. Впариванием, как ты сказал, занимается какая-то пара отделов. Мы же с тобой, как и большинство менеджеров на нашей планете занимаемся отчетотворением. А какая от этого прибыль? Никакой.

– Но без отчетов тоже нельзя.

– Нельзя. Поэтому мы с тобой и пьем сейчас коньяк, а не грузим что-то там лопатами на морозе.

– И слава богу, – поспешил вставить я.

– Так вот, – продолжил шеф, система эксплуатации породила многочисленную армию работников, эксплуатация которых носит отрицательный характер. То есть в процессе эксплуа-

тации нас с тобой вместо того, чтобы присваивать наш труд, эксплуататор вынужден нас содержать, не имея от нас никакой прибыли. А это уже абсурд какой-то.

– Может, они руководствуются армейским принципом? – предположил я. – Плац подметается ломом не для чистоты, а для того, чтобы всех затрахать. Или, как писал Роберт Уилсон: «Обстановка нормальная – затраханы все».

– Возможно, хотя вряд ли.

– Тогда я не знаю.

– Я тоже.

Тема была исчерпана, но в рюмках вновь был коньяк, да и сигары были выкурены меньше, чем наполовину. Это означало, что пришла моя очередь работать диктором.

– Мне сегодня ночью приснился кошмар.

– Да? И что именно? – без всякого интереса спросил шеф.

– Мне приснилась вечность, а если точнее, то бесконечно долгое посмертное существование, о каком нам говорят религии.

– Ты что, в аду побывал?

– С точки зрения вечности ад не отличим от рая.

– Интересная мысль.

– А ты сам подумай: Вечное блаженство. Изю дня в день. Из тысячелетия в тысячелетие. Это как бесконечно долго есть одно и то же пусть даже любимое блюдо. Через сколько тебя начнет тошнить от этого блаженства?

– Но там есть же, наверно, какое-то разнообразие.

– Ну и сколько ты сможешь разнообразить блаженство? Даже если тысячу лет, тебя ждет бесконечная череда однообразных тысячелетий, и это вечное однообразие любой рай превратит в ад, и наоборот. Любое мучение будет таковым только какое-то время, а потом мы сможем к нему привыкнуть, адаптироваться, свыкнуться с ним и даже перестать замечать, как живущие возле аэродромов люди не замечают рев взлетающих самолетов. И, в конце концов, мы выходим на одну и ту же финишную прямую, а именно в вечное тупое однообразие, и наше вечное смирение с ним.

– В тебе погибает лидер какой-нибудь секты, – отреагировал на мои слова шеф.

– Возможно, – ответил я, но я не люблю, не умею и не хочу организовывать людей.

– Тем лучше для них.

Разумеется, перед шефом я нарисовал облегченную версию вечности «для живых». Я же, будучи мертвым, был на шаг впереди: ведь моим настоящим было будущее всех живущих, если, конечно, после смерти все попадают в такую же ситуацию, как и я. Я был мертв, но моя реальность ничем не отличалась от реальности других (я наверно уже задолбал постоянным напоминанием этого факта). Я ел, спал, пьянел, испражнялся, чувствовал боль. Наверняка я старел, а мои болячки, такие как геморрой, никуда от меня не делись. В результате я рано или поздно должен буду состариться и снова умереть, как возможно неоднократно умирал до этого. И это опять же только в том случае, если не случится ничего раньше. И что меня ждет после смерти? Очередная послесмертная жизнь? Растянутый на целую вечность «день сурка» или все же что-нибудь новенькое? Что если смерть – это всего лишь своего рода верстовой столб на нашем метажизненном пути длиной в бесконечность? А в моем случае просто сбой системы, в результате которого я вспомнил, что когда-то уже умирал. Ведь не помним же мы ни прошлые жизни, ни прошлые смерти. И если все действительно так, то наше очищение от воспоминаний во время прохождений мимо верстовых столбов смерти и есть главный признак любви бога или существования, потому что иначе, помня все эти миллиарды лет, мы давно бы уже сошли не только с ума, но и со всех его остатков. К тому же вполне может быть, что мы – части одного единого целого, и наша индивидуальность – наша главная иллюзия.

Короче говоря, я вновь вернулся к той же неопределенности, перед которой мы стоим во время жизни; вернулся без всякой форы перед живыми. Что ж, как говорится, се ля ви.

Во время обеденного перерыва меня осенило, и я сразу же позвонил шефу.

– Я, кажется, врубился, – выпалил я, услышав его «алло».

– Куда? – спросил он.

– Мы – паразиты, причем паразитирующие на теле самой системы эксплуатации. Подобно тому, как обычные паразиты изменяют поведение своих носителей так, как нужно паразитам, так и мы заставляем эксплуатационную систему работать, прежде всего, в угоду нам.

В субботу 5 февраля 2011 года я предстал пред очами господа. Как и положено, этому предшествовали чудеса, знамения и прочие положенные по протоколу вещи. Думаю, стоит описать этот день подробнее.

Сначала о предстоящем чуде мне возвестил трубный глас: чуть ли не всю ночь с пятницы на субботу кто-то у соседей надрывно блевал женским голосом, издавая похожие на так называемый русский шансон звуки. В коротких паузах несчастная громко стонала и что-то еще громче роняла на пол. Возможно, себя.

Эта однокомнатная, граничащая с нашей спальней квартира с давних пор была олицетворением соседского сволочизма. Еще в эпоху моей дефлорации там жила мать-одиночка с сыном дошкольного возраста. Была она, мягко говоря, лишена привлекательности, что не мешало ей регулярно принимать у себя поклонников. А чтобы не пострадала нравственность сынишки, во время того, ради чего приходили поклонники, мамаша выставляла его из квартиры погулять на лестничной клетке.

Позже она продала квартиру и исчезла в неизвестном направлении, а квартира стала вместилищем квартирантов. Первыми туда вселились молодые родители с ребенком младшего школьного возраста и вторым ребенком в проекте. Сначала они громко и часто ругались по ночам. Потом появился ребенок из проекта и стал главным источником акустических возмущений. Он орал и ночью, и днем, а однажды... дело было часа в два ночи. Сначала, как обычно, заорал ребенок; затем послышался мужской громкий мат; затем был глухой удар и сразу за ним громкий женский крик:

– Зачем ты его бьешь! Это же ребенок!

Затем минут тридцать мне пришлось наслаждаться всем трио.

Вскоре эта семейка тоже съехала, и в квартиру вселилось несколько дюжин азербайджанцев. Наверняка они владели секретом четвертого измерения, потому что иначе не то, что объяснить, представить было невозможно, как они там помещались. Эти были вежливы и приветливы, всегда здоровались, придерживали дверь... К сожалению, съехали и они.

В квартиру вселился молодой военный с молодой женой – редчайшие надо сказать выродки. Каждую ночь они что-то били об пол и стены под такой мат, что даже у меня вяли уши. Причем материлась жена. Днем они врубали на полную мощь отечественный рэп и прочие мерзости. Когда я пожаловался на них хозяину квартиры, днем стало тише. Наконец, съехали и эти.

Им на смену вселилась азербайджанская семья с ребенком, а у меня в квартире начался ремонт. На третий день ремонта появился сосед и очень вежливо попросил по возможности с 2-х до 4-х после полудня не работать перфоратором в спальне – его ребенок от перфоратора становится совершенно диким, как кот от пылесоса. Я пообещал по возможности не шуметь, и уже на следующий день именно в это время пришли люди устанавливать сплиты. А они стену бьют с таким грохотом, что просто грандец. Еще были установщики окон, установщики решеток на окна... И все приходили именно в это время – видать у соседей была хреновая карма, еще хреновей, чем у меня.

Их сменила несколько шизанутая парочка: дамочка по ночам пела своему самцу песни похожим на издаваемые циклевальной машиной звуки голосом. А уже после них там поселилась ночная блевунья.

Долгое время меня это бесило, а Валя словно бы не замечала соседский беспредел. Когда я спросил, как у нее это получается, она напомнила мне, что выросла в панельном доме в рабочем районе, и по сравнению с той обстановкой, здесь рай и тишина.

– А как ты не сошла с ума? – спросил я.

– Я смирилась. Бесит ведь не сам шум, а нежелание с ним мириться. Когда же внутри себя позволяешь этому быть, перестаешь обращать внимание, – ответила она, став на долгие годы моим учителем всепрятия.

Постепенно у меня стало получаться смиряться с соседями, и я действительно почти перестал на них реагировать. Поэтому, услышав желудочное пение за стеной, я от всей души порадовался соседскому горю и, поцеловав Валу, уснул.

Мне приснилось, будто я живу на тихой улочке милого дотолерантного европейского города. У меня был свой дом: Два верхних этажа жилые, а на первом – магазин. Я торговал смертью, а, вернее, смертями. Выглядели они очень трогательно: Не более 15-ти сантиметров ростом, в очаровательных балахонах с капюшонами и миниатюрными косами в когтистых лапках. Были они милашками, охотно шли на руки, а когда я по утрам входил в магазин, встречали меня радостным шипением. Жили смерти в просторных красивых клетках и питались исключительно кровью христианских младенцев, которую я покупал для них высшего качества. Нельзя сказать, чтобы торговля шла бойко, так что в магазине я больше наслаждался покоем, тишиной и обществом любящих меня созданий (а в том, что смерти меня любят, я нисколько не сомневался), чем зарабатывал себе на жизнь. На жизнь, правда, мне хватало.

Однажды ко мне заявили Слуги Родины – два напыщенных болвана.

– В тебе нуждается Родина, – патетически заявил один из них.

Вместо того чтобы залиться слезами умиления, я откровенно поморщился, а потом спросил:

– И что ей от меня надо?

– Пришло время для подвига, – изрек второй.

– И Родина хочет, чтобы я его совершил? – не скрывая сарказм, спросил я.

– Именно, – ответили они хором.

– А скажите-ка мне, милейшие, почему Родина вспоминает о нас исключительно, когда ей нужны наши подвиги? Почему бы ей не вспоминать о нас хотя бы изредка, чтобы, например, просто так подарить денег?

– Родина существует не для того, чтобы одаривать нас, а для того, чтобы мы по ее зову были готовы отдать ей все, включая наши жизни! – гордо заявил первый Слуга.

– Ну и нахрена мне тогда такая Родина?

От этого вопроса Слуг перекосило так, будто их коснулась кисть Пикассо. К сожалению, я проснулся, так и не услышав их ответ, от особенно громкого желудочно-душевного вопля за стеной. Соседку все еще рвало. Еще раз порадовавшись ее горю, я осторожно, чтобы не разбудить Валушу, перевернулся на другой бок и уснул.

На этот раз мне приснилось, что я танцую вальс с умопомрачительной красавицей. Стройное тело, длинные идеальной формы ноги, очаровательное лицо, длинные густые черные волосы... Но больше всего меня поразили ее глаза. Они были бездонно черными, и в них плясал тот огонь, который бывает во взгляде у редкой притягательности женщин. Одного взгляда таких глаз достаточно, чтобы навсегда потерять голову от любви.

Брюнетка была самой смертью, и я ее обожал.

Разлучил нас звонок Валушиного мобильного: ее срочно вызвали на работу. Спать мне уже не хотелось, поэтому я встал и взвалил на себя обязанности домохозяйки. В холодильнике

лежал фарш, и я решил приготовить пельмени и большие а-ля пельмени для жарки, получившие в честь Эрнесто Че Гевары (так и просится вторая «р») название Чебуреки. Это было своего рода лишением девственности, так как до этого я еще не готовил ни пельмени, ни чебуреки.

Начал я с пельменей, потому что несколько раз видел, как это делается. Начал и сразу же вспомнил достаточно забавную вещь: Не знаю, как у вас, а в наших краях считаются хорошими почему-то «слепленные вручную пельмени», как будто на качество пельменей больше влияет способ изготовления, а не то, что засунули к ним внутрь. Ведь если душа пельменя так и просится на помойку, то, как ты его ни лепи, хорошим он от этого не станет. Больше во время лепки пельменей ничего в голову мне не лезло.

Зато когда я взялся за чебуреки, сразу вспомнил позаимствованный у Гегеля Марксом закон единства и борьбы противоположностей. Ведь для того, чтобы тесто тонко раскатывалось, нужно все вокруг засыпать толстым слоем муки; а чтобы слипались края чебурака, муки нужно как можно меньше. Такое вот диалектически сволочное блюдо чебуреки.

Сначала я пытался катать пышки поштучно. Я выкатывал на столе очередное пятно Роршаха, затем начинял его фаршем, складывал, обрезал лишнее тесто ножом, после чего залепливал, слепливал или залеплял края. Чертовски низко производительный способ! К счастью, я вскоре вспомнил, что не так давно Валя мне объясняла, что тесто надо катать большим тонким блином, а потом разрезать его на квадратики. Квадратики складываются треугольником, и получается весьма живописное изделие. Кстати, лепятся чебуреки почему-то всегда наизнанку. А иначе как объяснить тот факт, что тесто так и норовит пристать к пальцам и никак не желает срастаться краями.

Долепив чебуреки, я задался вопросом: а чего я их лепил не под музыку? Вопрос этот так и остался без ответа.

Во время уборки я вспомнил анекдот о дробистом изумруде, в котором учитель объясняет детям, что у Пушкина написано: «Ядра – чистый изумруд», а не «я – дробистый изумруд». Я же себя во время уборки именно дробистым изумрудом и чувствовал. А еще мне в голову лезли всякие дурацкие стишки типа:

Скалку бросила хозяйка —
По еблу попала скалка.

Во время мытья скалки благодаря характерным движениям рукой я вспомнил юность, а заодно и более зрелые периоды жизни без женской ласки. Когда я подметал уже пол, мне в голову приперлись два умных по звучанию слова: «реферальность» и «ревелентность». Ставя точку в проделанной работе, я подумал: «Быть не дебилом непатриотично!».

После этого я отправился в банк платить за коммуналку.

Если бы я вздумал написать что-то вроде божественной комедии, я бы описал ад, как бесконечную череду кабинетов в казенных советских учреждениях, а они у нас все сплошь советские и все служат минифилиалами ада: собес, БТИ, налоговая, таможня, паспортный стол... Разве может такая мелочь, как раскаленные сковородки сравниться с этими воплощениями кошмара и бесчеловечности? Но если после прохождения всех назначенных нам мук в виде сбора дурацких справок, написания бесконечного числа заявлений и заключения договоров с последующим сбором подписей под этим ворохом бумаг мы можем вырваться на волю, то настоящий ад я сделал бы в виде бескрайней чиновничьей вселенной, этакой помноженной на бесконечность кафкианской фантазии, из которой нет никакой надежды вырваться даже просто покурить. Для мучения несчастных я бы использовал других таких же бедолаг. Ведь что ни говори, а сидеть в кабинете, принимая вздроченных до предела в очередях выживших из ума стариков, старушек и прочих посетителей тоже невелика радость.

В очереди в кассе было человек пять.

– Кто последний? – спросил я.

– За мной будешь, покойничек, – ответил мужчина примерно моих лет, и меня словно током ударило. До этого момента еще никому не удавалось понять, что я уже мертв.

Раскусивший меня мужик был упитанным, небритым, забывшим про расческу пару кальп назад. Одет он был прилично, да и русским духом от него не разило. Короче говоря, меня расколол тип маргинальной внешности. У меня сразу возникла куча чувств и вопросов, поэтому я, едва мне вернули квитанции и сдачу, бросился его догонять. К счастью, он не успел далеко уйти, нырнуть в какой-нибудь магазин или сесть в машину.

– Простите... можно вас на одну минуту, – выпалил я, краснея, догнав его.

– Религией не интересуюсь. Чудо-кормами тоже, – отрезал он.

– Мне интересно, как вы узнали, что я мертв, – выдал я.

– Намного интересней, как ты об этом узнал, – ответил он. Похоже, мой вопрос не показался ему странным.

– А разве люди не узнают, что они мертвы? – удивился я.

– Только за очень редким исключением.

Наверно, я выглядел, как пытающаяся читать рэп рыба, потому что, посмотрев на меня, он сказал:

– Вижу, ты жаждешь об этом поговорить, ну а я жажду поесть и выпить пива. Так что можешь меня угостить, – милостиво разрешил он, и мы отправились в кафе.

– Так как ты до этого допер? – спросил он, возвращаясь тем самым к животрепещущей для меня теме, когда нам подали еду и пиво.

– В том то и дело, что никак, – ответил я и выложил ему все, как на духу.

– Зато теперь ты знаешь, каково было коту Шреденгера, – отреагировал на это он.

Разумеется, мне нужен был другой, хоть как-то объясняющий мой посмертный опыт ответ, и это отразилось у меня в глазах. Читать по глазам мой собеседник умел, поэтому почти сразу же добавил:

– Если честно, я имел в виду совсем другое: «пусть мертвые хоронят своих мертвецов» и так далее. Но твой случай кажется мне не менее интересным. Более того, мне кажется, наша встреча – это не просто так, и ты мой посланец судьбы. Надеюсь, я смогу отплатить тебе чем-нибудь полезным.

– Так что же мне делать? – спросил я, пропустив мимо ушей эту лирику.

– Не пытаться питать иллюзию понимания. Обычно люди думают, что они что-то понимают и имеют твердую почву под ногами. Им так проще обитать в неизвестности. Однако, подобно тому, как эта твердость превращается в огромные пространства пустоты с крайне редкими вкраплениями того, что мы вообще не можем понять и обзываем квантами или частицами, понимание оказывается такой же иллюзией. Мы ничерта не понимаем и не можем понять, а большинство из нас не желает понять даже это.

– Ты, наверно, думаешь, что я сумасшедший? – решил вдруг я.

– Мне на это плевать. А ты, кстати, знаешь, чем сумасшествие отличается от особенности?

– Нет.

– Если ты любишь спать на потолке – это особенность. А если при этом тебя терзают всякие муки, или ты достаешь окружающих, то это уже сумасшествие.

– Хочешь сказать, что все дело в отношении?

– А в чем еще? Ярким подтверждением этому служит признание патологией нежелание бредить и галлюцинировать определенным образом.

– Ты о чем?

– О флаге, например. О гимне. И прочих подобных вещах, в которых мы просто обязаны видеть то, чего там нет. Ради спасения флага вообще полагается рисковать жизнью, то есть ставить какую-то тряпку выше себя. А так называемые святыни – это вообще пиздец. Но попробуй об этом откровенно признаться там, где на это положено благоговеть... И раз уж мы с тобой тут разоткровенничались, я тоже признаюсь в том, что есть нечто, что я могу сказать далеко не каждому. Дело в том, что я господь.

– В смысле? – отреагировал я.

– В самом, что ни на есть прямом.

Не знаю, как он обо мне, а я о нем точно подумал, что он псих.

– То есть, хочешь сказать, что это ты сотворил небо, землю и все остальное?

– Я что, идиот?

– Но разве это не дела господа? – настаивал я.

– Я ничего такого не делал.

– Но подожди... – попытался возразить я, но он меня перебил:

– И вообще, я не один из тех сверхпортые с большим самолюбием, какими рисуют своих богов практически все религии.

С таким образом бога я еще не сталкивался, о чем и сообщил своему собеседнику.

– А ты сам посмотри: что бы кому-нибудь ни понадобилось, все тут же сообщают об этом богу, как будто он по первому же требованию должен бросать все свои дела и завозить в магазин нужные товары, лечить от простуды, улаживать экзаменаторов, сводничать и так до бесконечности. А в качестве оплаты его услуг или чаевых можно поползти перед ним на коленях и наговорить всякой лстивой ерунды. Вот только если он действительно настолько всемогущ, как о нем говорят, нахрена ему постоянные восхваления каких-то двуногих мандавошек с одной из задрипанных планеток? Да и какая ему разница, как мы трахаемся, что едим, в чем ходим?..

– Говорят, это нужно не ему, а нам.

– Хорошо. Пусть так. Пусть это нужно нам. Пусть нам же нужно, чтобы он вел себя, как балаганный завлекатель зевак. Но зачем ему потакать нам в наших самых низменных проявлениях себя, которые, если верить в то, что мы – образ и подобие, являются отражением его низменных страстей. Не мелковато ли это для создателя вселенной?

– Все дело в том, что бог – это три разных явления: один бог – это гипотетический создатель вселенной; другой – эгрегор; а третий – порождение коллективной человеческой глупости.

– Еще одна концепция. Знаешь, еще до того, как я понял, кто я, я нашел только одно оправдание бога: вселенная – это что-то вроде романа. Никто же не обвиняет того же Дюма в том, что он перерезал кучу гвардейцев кардинала. Главное, чтобы было интересно. А потом я понял, что это тоже всего лишь концепция, и что любой господь – это самодостаточное существо, которому не нужны ни верующие, ни поклонники. Разве что немногие избранные.

– То есть ты не единственный господь? – поймал я его на слове.

– И да, и нет. Господь един, но я не единственная моя форма.

– То есть ты часть господа.

– Что за теологическая расчлененка? – поморщился он. – Я господь единый и неделимый. И я далеко не ограничиваюсь видимой тобой формой. Мне трудно это объяснять. Это как объяснить слепому, что такое зеленый цвет.

– И все же, почему ты так уверен в том, что ты господь?

– А почему ты уверен в том, что ты покойник?

– Ну, это другое дело.

– Отнюдь. И тут мы с тобой выступаем в роли мышей Эйнштейна.

– У него были мыши?

– Он как-то сказал, что даже мышь, наблюдая мир, создает вселенную. Так вот, дорогой мой, мы с тобой либо господь и покойник, либо два психа. Что тебе больше нравится?

– Да мне, собственно, может нравиться все, что угодно. Здесь намного важнее объективная оценка.

– Объективная оценка, – передразнил он меня. – Нет и не может быть никакой объективной оценки хотя бы потому, что для ее существования должен быть объективный наблюдатель, а это – нонсенс. А раз так, то в создаваемой нами вселенной мы либо господь и покойник, либо два ненормальных психа. Так что выбирай.

Разумеется, я выбрал первый вариант.

– Вот из таких вот соглашений и состоит наш мир, – сообщил мне господь.

После этого мы какое-то время еще поболтали о всяких пустяках, затем Господь рассказал весьма забавную байку:

В одном из самых труднодоступных районов Гималаев у подножия продуваемой всеми ветрами и покрытой вечными снегами скалы приютился маленький монастырь с дюжиной монахов и учителем-настоятелем. Жили монахи крайне тяжелой аскетической жизнью. Вставали они еще до восхода солнца. Молились. Принимали совершенно безвкусную пищу, ровно столько, чтобы не умереть от голода. Затем целый день они трудились в поте лица и занимались боевыми искусствами. Вечером была молитва и медитация, затем короткий сон на голом полу в холодных кельях – разводить огонь для тепла им разрешалось только в самые сильные холода, когда без огня можно было замерзнуть насмерть.

Все это они преодолевали и терпели только для того, чтобы, в конце концов, обрести наивысшую из истин, став приемником Учителя. Это происходило каждые 10 лет во время таинства посвящения. Ведь именно 10 лет нужны были учителю для того, чтобы окончательно трансформировать свое тело и вознестись на небеса, чтобы стать там равным среди богов. Разумеется, приемником становился лучший из лучших учеников. Остальным ничего не оставалось, как ждать еще 10 лет.

Настал черед очередных состязаний. В течение недели ученики состязались в аскезе, в изнуряющем труде и боевых искусствах – так много времени потребовалось Учителю для того, чтобы выбрать тройку лучших из лучших. Затем их ждало последнее состязание: они должны были сидеть обнаженными под открытым небом без сна, воды и пищи, невзирая на холод, ветер и дождь, который к вечеру перешел в мокрый снег. Но игра стоила свеч – победитель становился приемником Учителя. Непогода ускорила развязку, и победитель был определен на третий день. Два других претендента умерли от перегрузок.

Победителем стал невзрачный мужчина чуть старше сорока лет. Никому и в голову не могло прийти, что он окажется самым лучшим, и, тем не менее, ему удалось обойти всех.

После еды и отдыха в течение целых двух часов счастливчик отправился с Учителем в трудный путь на священную вершину скалы, откуда на протяжении многих веков Учителя возносились на небеса, чтобы пополнить собой сонм бессмертных небожителей, сообщая перед тем, как покинуть землю своим приемникам высшую из истин. Подъем был долгим и тяжелым, и ученик полностью выбился из сил. Последние несколько шагов он смог сделать лишь благодаря своей стальной воле. На вершине учитель напал на него, не дав перевести дух. Он поставил его в коленно-локтевую позу, затем всадил свой член в задний проход ученика.

– Учитель, что ты делаешь? – закричал тот, не веря происходящему.

– А ты как думаешь, кретин?!

– Но как же так?

– А так! Разве не говорил я вам каждый день, чтобы вы убирались из монастыря и возвращались к нормальной жизни! Но вы, тупые уроды, не хотели меня слушать! Как и я, впрочем, не хотел слушать своего учителя.

– Но разве это не было испытанием духа?! – все еще надеясь на что-то, вскричал ученик.

– Испытанием духа? Не смейся меня ради бога! Разве может быть испытанием просвание собственной жизни? А ты свою просрал, как просрала и просрут свои жизни все те кретины,

которые, несмотря на лишения, припрутся в наш или любой иной подобный монастырь, чтобы ради нелепых ожиданий отказаться от того, что делает жизнь яркой и интересной.

Сказав это, учитель кончил, вытащил член из задницы ученика, затем сообщил тому последнюю истину:

– Такие, как мы – отравы для человечества. Поэтому нас и надо держать как можно дальше от нормальных людей, иначе мы отравим жизнь и тем, кто еще способен жить полной жизнью, как это было уже не один раз. Твоя жизнь кончена, поэтому иди потешайся над остальными в отведенные тебе 10 лет. А потом приведи сюда очередного болвана и сделай с ним то, что я сделал с тобой. Поверь, это удовольствие стоит того. Только перед этим окажи мне последнюю услугу: сбрось меня со скалы.

– Но разве ты не должен сам вознестись на небеса? – все еще не понимая происходящего, спросил ученик.

В ответ учитель рассмеялся, а затем сказал:

– Забудь про небеса. Их обитатели любят жизнелюбивых. Такие, как мы противны их взору. Мы вызываем отвращение у богов, и только голодные звери, найдя наши изможденные тела, смогут извлечь из нас хоть какую-то пользу.

На этом мы и расстались, не забыв обменяться телефонными номерами.

Вернувшись домой, я рассказал о нашей встрече Валюше, на что она съязвила:

– Встретились шиза с френией.

Господь позвонил в субботу 12 февраля. Было чуть больше 10 утра. Мы только встали. Валя колдовала над завтраком, а я коротал время за чтением френдленты в ЖЖ.

– Привет, – сказал он, – как дела?

– Нормально. А у тебя?

– Вполне. Еще не воскрес?

– И не собираюсь. Национальность не та, да и от одной мысли о последователях меня тошнит.

– Надеюсь, смерть не лишила тебя аппетита?

– Нет, а что?

– Хочу пригласить тебя с женой к себе на ужин. Надеюсь, у тебя нет планов на вечер?

– Давай я поговорю с женой и перезвоню.

– Договорились.

– Кто это был? – спросила Валя, когда я пришел на кухню с ней поговорить.

– Господь.

– Это тот самый придурок, с которым ты познакомился?

– Да, только он не придурок, безбожница.

– Чего ему надо?

– Он приглашает нас на ужин. Пойдем?

– Знаешь, мне одного психа за глаза хватает.

– А я бы сходил.

– Сходи, а я Наташку проведаю.

Наташка – это Валина подруга, с которой у нас взаимное отвращение.

Приученный к пунктуальности, я пришел к Господу чуть ли не секунда в секунду.

– Заходи, – сказал он, – раздевайся и проходи на кухню. Разуваться не надо. Извини, у меня горит, – выпалил он и исчез на кухне. – Я думал, ты опоздаешь, как все нормальные люди, – крикнул он уже оттуда.

– Разве пунктуальность – не вежливость королей? – спросил я, входя на кухню.

– А ты разве король? Садись, – предложил он, указав на табурет.

Жил он в хрущевской квартире, и кухня была размером с санузел в доме современной планировки. На кухне было жарко от печки, у которой горели все конфорки. Господь с ловкостью осьминога управлялся с готовящейся едой, включая блины, которые он пек и из-за которых не смог меня нормально встретить.

– Король – не король, но пунктуальность...

– В наш век это пережиток. Особенно когда речь идет о походе в гости. Придя вовремя, ты рискуешь не только тупо пялиться в телевизор, но еще и стать бесплатной прислугой хозяев. Конечно, если ты любишь накрывать в гостях столы... Поэтому лучше слегка опаздывать. А если идешь на застолье, неплохо принять дома немного вовнутрь, чтобы в период предалькогой неловкости чувствовать себя вполне приемлемо. Держи, – он поставил передо мной тарелку ухи. Затем он налил себе и сел за стол.

– Вкусно, – ответил я, ни капли не лукавя. – Отличная уха.

– Это не уха, – ответил он, – а рыбный суп по эксклюзивному рецепту.

– И чем он отличается от ухи?

– А тем, что ни один мудила не сможет мне сказать ничего вроде: «Да кто же так варит уху?!». Так что уху я не варю никогда. Как не готовлю и любые другие блюда типа плова, которые нужно уметь правильно готовить, – он сделал ударение на слове «правильно». – И знаешь, сразу исчезла необходимость посылать кого-либо в сад или спускать с лестницы. А ты готовишь?

– Изредка, и до тебя мне далеко.

– Не так давно мне тоже было до себя далеко, но жизнь заставила. Знаешь, я даже приколся. Сейчас даже не верится, что еще летом я мог приготовить разве что нормальный шашлык и салат ёбс.

– Что за салат? – спросил я, заинтригованный названием.

– Ничего особенного. Берешь свежий огурец, зелень, вареные яйца. Затем все это ёбс, ёбс, ёбс ножом и заправляешь майонезом. Потом я начал сам делать майонез.

– Даже не представляю, как это делается.

– Очень просто. Берется кастрюлька. Туда вбивается 1 сырое яйцо, затем добавляется 1 чайная ложка с горкой горчицы; уксус, сахар и соль по вкусу. Затем небольшими порциями туда доливается подсолнечное масло и взбивается миксером. Чем больше масла – тем майонез гуще. На все уходит меньше 10 минут.

Потом заболела мама, и мне пришлось осваивать профессию домохозяйки. И знаешь, открыл для себя целую кучу вещей. Так мясо, например, хорошо тушить с айвой. Морковка прекрасно отмывается металлической мочалкой для мытья посуды. Ржавые и черные следы от воды на унитазе лучше всего убираются отбеливателем «Ас». Главное, чтобы он не попал на одежду. А еще я научился жарить лук. Порезанный лук кладется на горячую сковородку со сливочным или растительным маслом. Он солится, посыпается сахаром и поливается лимонным соком. Жарится на умеренном огне до готовности. Если готовый лук переложить в другую посуду и размешать с майонезом, получится вполне съедобный салат...

Исчерпав кулинарную тему, Господь принялся рассказывать о себе:

– Родился я благодаря профсоюзу. Маме надоело быть профсоюзным лидером, и когда ее избрали в очередной раз, она ответила мной. Рождался я под веселящим газом. В тот день была пыльная буря. Транспорт не ходил, и папа шел пешком несколько километров в роддом. Пришел с огромным кульком мандаринов. Детство у меня было, как детство. Обычное уличное детство с рогатками, поджигняками, взрывпакетами и дымовухами. До 16 лет я был, как все. В 16 мне вдруг взбрела в голову идея фикс. Ты когда-нибудь пытался смотреть в зеркало с закрытыми глазами?

– Мне такое даже в голову не приходило.

– А мне пришло. И я часами напролет сидел перед зеркалом и смотрел в него, плотно закрыв глаза. Потом я догадался сделать на глаза повязку. И знаешь, я что-то там увидел. Через несколько месяцев смотрения в зеркале что-то щелкнуло, и я увидел яркую вспышку света. Наверно, с этого все и началось. Сейчас я живу с матерью. Работа домохозяйком. Фактически, сижу на шее у старой, больной женщины. Тебя это не смущает?

– Совершенно.

– Ты совершенно аморальный тип. А вот моя любимая из-за этого от меня ушла.

Выдать в ответ что-нибудь этакое мне помешала ворвавшаяся на кухню бабуля с безумным взглядом.

– Володя, помоги, у меня все подмышки горят! – выдала она.

– Как горят? – спросил он.

– Огнем горят. Посмотри.

– Ничего у тебя не горит. Тебе приснилось.

– Точно? – недоверчиво спросила она.

– Точно, мама, иди спать.

– Посмотри на подушки.

– Хорошо, мама.

– Я сейчас, – сказал он мне.

После этого его мать заметила, что у них гости.

– Извините, – смутилась она. – Мне иногда снится черт знает что.

Я кивнул.

Господь обнял мать за плечи и увел с кухни.

А ведь я только что узнал сакральное имя бога, – подумал я, и от этой совершенно нелепой мысли мне захотелось рассмеяться.

Это началось, наверно, лет 10 назад, – рассказывал Господь о болезни матери. – Я всегда плохо дружил с датами, а с тех пор, как понял, что ничто так не вредит здоровью, как работа, и стал профессиональным безработным, вообще перестал обращать на них внимание. Мама тогда пришла с работы. Мы сели обедать. Была она в хорошем настроении, да и чувствовала себя относительно сносно. Мы разговаривали о чем-то постороннем. Так, болтали ни о чем. Не ругались, не нервничали... И вдруг без какой-либо видимой причины у мамы закатились глаза, она начала хрипеть и съехала со стула на пол. Мама стала страшной, как ведьма. Я перенес ее на кровать. Попробовал измерить давление, но так и не смог. Вызвал «скорую». Приехали они быстро. Фельдшер, предпенсионного возраста тетка, сделала ей несколько уколов, после чего маму увезли в больницу. Сразу в реанимацию. Несколько часов над ней колдовало все реанимационное отделение. Найдя свободную минуту, заведующий выскочил ко мне.

– Вы ей кем приходитеесь? – спросил он.

– Сын, – ответил я.

– В общем, она крайне тяжелая. У нее полная блокада, от этого сердце работает вразнобой. Мы вызвали специалистов из областной больницы. Если она доживет до их приезда – будет жить, а если нет... – он развел руками.

От его слов у меня внутри все словно выключилось. Исчезли все эмоции. Голова стала тупой и твердой, а мысли вялыми, как старческий писюн в холодной воде. Так, например, я подумал, что совершенно нелепо смотрюсь в коридоре под дверью реанимации с подушкой и одеялом в руках. А еще я подумал о том, что надо бы областным специалистам денег дать. Денег с собой у меня не было, и я пошел за ними домой, а заодно и отнес вещи.

Областные специалисты, хирург и медсестра, приехали часа через четыре. Когда они вышли из реанимации, я спросил:

– Как она?

– Ритм сердца восстановился, – ответил врач, – так что все должно быть нормально. Две недели она полежит здесь, а потом поедете к нам – ставить постоянный стимулятор.

– Спасибо, – сказал я и сунул деньги в карман его халата.

В себя мама пришла только на следующий день. А после того, как поставили постоянный стимулятор, вообще почувствовала себя нормально. Меня только после этого и накрыло. Больше года, наверно, я периодически вскакивал с кровати, подходил к двери ее комнаты и слушал, дышит она или нет.

Следующая напасть случилась около 2 лет назад. Было часов 6 утра, когда я проснулся от какого-то грохота. Выйдя из комнаты, я обнаружил маму лежащей на полу у себя в комнате. Ее лицо было удивленно-растерянным и совершенно незащитным. Я помог ей подняться и сесть в кресло.

– Что случилось? – спросил я.

– Не знаю, – ответила она. – Я встала, как обычно, и...

Я измерил ей давление. Оно было высоким, но не настолько, чтобы от него падать в обморок.

– Ты ничего себе не сломала, не отшибла? – спросил я.

– Нет... А что случилось?

– Не знаю. Я тебя нашел уже лежащей на полу.

– Правда? – удивилась мама. Она ничего не помнила. Мне пришлось раз шесть повторить свой рассказ, а потом мама выдала:

– Представляешь, я забыла, как идти на работу. Вот выхожу я из дома, а, что делать дальше...

От этих ее слов меня словно по голове чем-то тяжелым ударило. Успокоив более или менее маму, я позвонил ее медсестре... Забыл сказать, мама у меня врач. Проработала у нас в больнице около 50 лет. Объяснил все. А на следующий день мама отправилась с медсестрой в больницу. Ее положили в неврологию, в палату на 2 человека, сделали по блату какой-то укол... От этого укола она чуть не умерла, а заодно и приобрела аллергию на кучу лекарств, включая ее лекарства от давления. И начался у нас сущий ад: ночью «скорые», днем припадки с падениями и потерей сознания... Во время приступов она на пару секунд теряла сознание. При этом ее лицо становилось просто жутким: Совершенно безумный взгляд, блуждающие глаза... Короче говоря, зрелище не для слабонервных.

В общем, решили мы с мамой, что пришел ей конец. В таких ситуациях на многие вещи начинаешь смотреть иначе. Многое прощаешь, на многое закрываешь глаза, и то, что еще совсем недавно бесило тебя до пенопускания, становится совершенной ерундой.

Не знаю почему, но в нашей семье как-то не было принято проявлять или демонстрировать чувство любви. Родители меня любили, и даже слишком, но никаких поцелуев на ночь, ничего такого. Даже просто сказать маме или папе: «Я тебя люблю», – мне не приходило в голову, так как подобные слова существовали за пределами формата наших отношений.

Это табу было настолько сильным, что сохранилось даже после первого круга моего персонального ада. К счастью, мне попался в руки «Космический триггер» Роберта Уилсона. В конце книги он, описывая трагическую смерть своей дочери (ее убили во время ограбления магазина), пишет, что хорошо, что он успел сказать той, как он ее любит...

Прочитав это, я понял, что могу и не успеть, так как в любой момент...

Мы тогда в первый раз поговорили с мамой действительно по душам, а потом еще какое-то время молча сидели обнявшись...

Вот так неприятности позволили нам пробиться друг к другу сквозь наше семейное табу...

Постепенно маме начало становиться легче. Припадки практически прекратились. Мы уже, было, решили, что и эта напасть побеждена, как мироздание вновь напомнило о себе.

Сначала совершенно на ровном месте у мамы подскочило давление, а потом резко упал пульс с 70 ударов до 52, что означало только одно: отказывает стимулятор.

Замена аппарата для мамы оказалась бесплатной. Конечно, спасибо врачам я сказал, ну да в сравнении с более чем 30 000 рублей за один только стимулятор...

Операция прошла хорошо. Хирург нам достался молодой, но грамотный, а главное думающий. Заменял аппарат, подобрал за 2 дня лекарства от гипертонии, чего наши специалисты не могли сделать вообще. Заодно с заменой аппарата исчезли и припадки, причиной которых, оказывается, был отказ стимулятора.

После замены стимулятора у мамы началась новая жизнь. Но не надолго. Вырубился стимулятор примерно через 2 года. В ноябре.

За неделю до этого я только-только вылечился от хламидиоза. Жуткая, кстати, надо сказать штука. Проявляется почти никак, а убивается тяжелее, чем вера в торжество социализма. Началось у меня с обычного чуть заметного зуда. Затем появились вялотекущие выделения. Короче говоря, обратился я к врачу только через три месяца после начала болезни. Тот осмотрел моего кроху и назначил мазок на следующий день, запретив перед этим ссать, начиная с вечера. Утром, как и было сказано, приперся я к нему. Он завел меня в экзекуторскую. Там он заставил меня раздеться и поставил в коленно-локтевую позу на кушетку. Затем засунул мне палец в задницу и принялся массировать предстательную железу.

– Когда почувствуешь движение жидкости по каналу, скажешь, – распорядился он.

У меня все мысли были направлены на то, чтобы не обоссаться. Наконец, я вроде что-то почувствовал, о чем сообщил врачу. Тогда он достал металлический тросик с ваткой на конце и вогнал в мой член. Пошурудив этим приспособлением там с упорством хорошего сантехника, он извлек его и разрешил мне сходить в туалет.

– Будет саднить и кровить. Не бойся, это нормально, – предупредил он, когда я, счастливый, вернулся из туалета.

– После того, что вы со мной сделали, вы, как честный человек, обязаны на мне жениться, – пошутил я.

Он хмыкнул, а затем ответил:

– Это я у вас первый, а вас у меня...

К счастью, лечение он назначил мне эффективное, и уже следующий мазок показал, что я здоров. После этого я на радостях накупил презервативов, решив наверстать упущенное время. Благо, с подругой у меня тогда все было на мази. Вот только наебаться мне предстояло в совершенно ином смысле этого слова.

Буквально той же ночью, проходя мимо маминной комнаты, а я допоздна засиживаюсь за компьютером, я услышал ее стоны.

– Все нормально? – спросил я.

– Да, – ответила мама, и я, как последний дурак ей поверил.

Минут через пятнадцать она побежала в туалет блевать. И нет бы меня позвать или хотя бы стать на колени... Она же блевала стоя, нагнувшись над унитазом.

– Ой, Вова, мне так плохо, – сказала она, выпрямляясь, и грохнулась, как стояла, затылком об пол. Я помог ей добраться до кровати, измерил давление. Давление было высоким, и я сделал ей укол дибазола с папаверином. Давление начало снижаться, а вместе с ним начал падать и пульс.

На «скорой» приехал молодой парень. На этот раз с аппаратом ЭКГ. Сняли ей кардиограмму. Пульс упал уже до сорока.

– Кажется, у нее инсульт, – сказал он, показывая на небольшой перекосяк маминого лица. Собравшись, мы отправились в больницу.

В кино в таких случаях обычно показывают, как больного встречает вооруженная всем необходимым бригада медработников. У нас же сначала заполнили бумаги, а потом только появился дежурный врач.

Осмотрев маму, она сообщила, что мама при смерти, и надо ее срочно класть в реанимацию. И вновь я стоял под дверью, ожидая, когда придет врач из кардиоцентра. К его приезду пульс у мамы был уже 8 ударов в минуту. От всего этого с ней случился ишемически-геморрогический инсульт с пропитыванием с зоной поражения размером с хороший мандарин. А это – самый херовый из инсультов. После такого редко кто остается живым.

Мама пролежала в больнице 2 недели. Все это время я работал дневным сиделком: кормил ее, обтирал, следил за процедурами и давал лекарства. Как я уже говорил, все отнеслись к ней очень хорошо. Правда, наша больница – это наша больница. После того, как маму привезли из рентген кабинета, у нее замолчал временный стимулятор – до этого он издавал равномерные пiski. Проверив аппарат, я обнаружил, что один из проводков выскочил из гнезда. К счастью, у мамы перед этим включился ее внутренний стимулятор, и она осталась жива.

Разумеется, эта, как и любая другая, трагедия не была лишена комических моментов.

Так буквально в первый же день, как маму перевели из реанимации в обычную палату, к ней примчалась знакомая врачиха примерно маминых лет. Она долго охала-ахала, а потом оставила маме коробку хреновых конфет и пачку дешевого печенья. Прямо как в анекдоте про сломанную челюсть и сухарики. В следующий раз она приволокла маме сок в пузырьке из-под какого-то шампуня. Потом были вареники в банке из-под кофе и творожок в столь же уместной таре. Последние гостинцы очень понравились собаке родственников.

Встала мама тоже весьма комично и неожиданно. До этого она могла только с трудом садиться на кровати с моей помощью, а тут сама вскочила на ноги и выбежала в коридор.

– Мне срочно к президенту, а я без тапочек, – пожаловалась она дежурному врачу, которого встретила в коридоре.

Так президент помог маме пойти на поправку. Когда маму выписали из больницы, она уже могла с моей помощью сама ходить по квартире, а еще через несколько дней мы начали выходить гулять. Иногда, правда, на маму накатывает, но все реже и реже. Обычно это происходит сразу после пробуждения – она еще не всегда может отличить сон от яви. И когда ей снится что-то экстраординарное, она бежит ко мне.

Так однажды она перепутала очки с часами и начала пытаться напялить часы на лицо. А в другой раз ей приснилось, что у нее на языке вместо сосочков выросли маленькие членики, и их надо срочно отрезать...

Я слушал откровения Господни и думал о том, какое все-таки извращенное чувство юмора у мироздания, и если бы «Книгу Иова» писали не моралисты-жизнефобы, из нее получилась бы вполне приличная комедия.

По дороге домой мне в голову пришла пара интересных мыслей, поэтому вернувшись, я сел за компьютер. Сначала я написал у себя в блоге:

«Параллельные миры – это миры, где всем все параллельно».

Попытавшись записать вторую мысль, я понял, что не готов еще ее сформулировать, и это вызвало у меня физический дискомфорт, как будто, материализовавшись, она застряла у меня в горле. Ее надо было извлечь, и я не нашел ничего лучше, как позвонить Господу.

– Привет, – сказал я, – я не сильно поздно?

– Не настолько, чтобы послать тебя подальше, – ответил он.

– Меня тут осенило, что не было никакого изгнания людей из рая из-за плодов познания.

– Глубокомысленно, – съязвил он.

– Представь, – решил я это проигнорировать, – что боги решили подарить людям познание, но чтобы не метать бисер перед свиньями, они послали своего слугу, чтобы тот отделил

семена от плевел. Объявил тот слуга себя богом и запретил под страхом вечного проклятия вкушать плодов познания людям. Большинство испугалось его угроз, но некоторые вкусили. Этим вкусившим боги пригласили к себе, а остальным было объявлено, что они прокляты и брошены в ад. Другими словами, известные нам боги – это, своего рода, крысоловы, которые уводят недостойных прочь от плодов познания.

– Если уж на то пошло, то никакие боги не изгоняли людей из рая. Просто, вкусив плодов познания, люди осознали, что их бог, рай, ад и прочая подобная чушь были порождением их невежества, и те исчезли, как наваждение. Вот только вкусили этих плодов далеко не все, а только те, у кого хватило на это решимости. Остальные продолжают прозябать, потакая своим страхам и глупости, – ответил он.

– Похоже, психи – это моя карма, – отреагировала на наш разговор Валюша.

– Это как? – не понял я.

– А так. Карма Эстонского, – это Валин сослуживец, – досматривать тещ, а моя – встречаться с психами.

Первую, «гражданскую» тещу он не то, чтобы досматривал, а просто ненавидел за то, что она, умирая от рака, требовала к себе слишком много внимания дочери, отнимая тем самым ее у Эстонского. Вторая, официальная теща, умирала в его в квартире. Квартира у него однокомнатная, и специального пространства для тещи там не было, поэтому Эстонский постелил ей на полу в кухне, где она и готовилась к путешествию в мир иной под грохот музыки. Объяснял тещененавистничество он тем, что они якобы плохо обращались со своими дочерьми. Вот только сам он с женой обращался не лучшим образом

Господь явился предо мной 23-го февраля. В ночь с 22 на 23 об этом, как полагается, возвестила мне все та же соседка. На этот раз сексуальными визгами. Причем сексуальными эти визги были в том смысле, что издавались они соседкой во время секса. Ее ебли, она визжала, и визжала, словно ее не ебут, а режут. То есть сексуально привлекательного в ее визжании не было ничего.

– Орет так, словно сама себе не верит, – заметила Валюша, поворачиваясь ко мне. Мы лежали в постели.

– Ты думаешь? – спросил я.

– А ты разве нет?

– Чужая душа...

– Это только так кажется, – сказала она и отвернулась, давая тем самым понять, что разговор окончен.

Крики соседки меня раздражали. А еще мне хотелось начать хлопать в ладоши и орать браво, но я постеснялся это сделать. В конце концов, я трусливо сбежал в сон.

Разбудил меня вопль домофона. Было что-то около 9 утра, а это самое паскудное время для пробуждения: выспаться еще не выспался, но снова уже не заснешь. Короче говоря, выходной насмарку.

– Да, – не очень любезно буркнул я в трубку домофона.

– Доброе утро. Вот сейчас все болеют, а в библии написано... – затараторил женский голос.

– На заборе и не такое написано, – огрызнулся я и повесил трубку.

Сон был окончательно перебит, поэтому я отправился на кухню. Поколебавшись пару минут между кофе и японским порошковым чаем с почти что уринотерапевтическим названием «мача», я выбрал кофе. Я сварил себе чашку крепкого напитка, выпил и отправился смотреть Жванецкого. Благо, на винте у меня он был практически весь. Не знаю, кому как, а мне Жванецкий способен заменить и шампанское, и Женитьбу Фигаро.

Часов в одиннадцать, позвонил Господь.

– Привет, – сказал он, – не разбудил?

– Меня уже подняли слуги твоего конкурента.

– Заканчивай сравнивать меня с небесным Петросяном, – фальшиво обиделся он. – У меня сегодня подгорел суп, и я понял, что это знак, – перешел он к делу.

– Какой еще знак? – не понял я.

– Знак, что надо идти в гости. А так, как ты – наилучшая кандидатура... Надеюсь, ты не против? Я с неофициальным визитом, так что готовиться особо не надо.

– Хорошо. Приходи, – ответил я.

– Как это вообще возможно, чтобы суп подгорел? – отреагировала Валюша на известие о предстоящем явлении Господа.

– Пути господни неисповедимы, – ответил я.

– Это что, намек на обед?

– Не знаю. Я стараюсь намеков не понимать.

После того, как я неправильно понял один весьма деликатный намек, я стараюсь не понимать ни намеков, ни недомолвок. Поначалу это немного напрягало окружающих, но потом, когда все привыкли, значительно упростило мою жизнь.

Господь явился ровно в 16—00, как мы и договаривались. Он прибыл с бутылкой израильского кошерного вина, тортиком и дамой.

– Это Людмила, – представил он свою спутницу.

Женщина в зимние холода – это кот в мешке. И пока ее не извлечешь из шубы, шапки, перчаток, теплых штанов и сапожек, хрен разберешь, что она из себя представляет. То ли дело лето! Но февраль в наших краях – месяц зимний, и частично оценить спутницу Господа я смог только после того, как она сняла с себя шубку, шапку, шарф и перчатки. Джинсы у нас в гостях снимать не принято, а обувь... Не будучи фанатичными ковропоклонниками (именно поклонение коврам лежит в основе обычая разуваться в гостях), мы разрешили гостям остаться в обуви.

Кстати, весьма забавно наблюдать за реакцией людей после того, как говоришь им: «Не разувайтесь». Большинство из них сначала смотрят на тебя, как на марсианина, а потом совершенно ошалело спрашивают:

– Как не разуваться?

– Никак.

– У вас что, ремонт?

– Нет. Мы просто не разуваем гостей.

После этого около трети гостей, выдав с ужасом на лице:

– Нет, это невозможно! – снимают обувь, причем даже тогда, когда больше никто этого не делает.

Еще где-то треть остается в обуви, но ходит по комнатам, как по минному полю. И только треть гостей воспринимает это, как нечто вполне допустимое.

Услышав наше разрешение, Людмила спросила:

– Что, можно так?

– Да, – ответила Валя.

– Класс! – сказала она и прошла в комнату.

Была она барышней весьма симпатичной. Чуть полнее модели, среднего роста, длинноногая. С красивым лицом и длинными черными волосами. Судя по джинсам и сапожкам, ноги у нее были не только длинные, но и ровные, и красивые, это я оценил в первую очередь, будучи обожателем женских ног.

Но не буду забегать вперед.

– С праздником военных и отмазавшихся, – выдал Господь, едва я открыл входную дверь. – Ты служил?

– Нефиг там делать, – ответил я.

– А я знавал людей, которые давали взятку, чтобы их призвали.

– Я не из таких.

– Как отмазался?

– Военка. И мне ее хватило, чтобы возненавидеть военщину всеми фибрами своей души.

А ты?

– Меня тоже миновала чаша сия.

– Армейская дедовщина, кстати, – это весьма важный и эффективный компонент для превращения нормального человека в военного, то есть в существо, готовое убивать ничего не сделавших ему людей по команде «фас», – вернулся Господь к теме праздника, когда мы перешли в комнату. Валя пошла накрывать на стол, а я остался развлекать гостей. – Голод, бессонница и издевательства не хуже ЛСД создают ситуацию импритной уязвимости, чем и пользуется армия для переимпринтирования психики солдат. В народе эту процедуру называют промывкой мозгов. Достаточно подробно об этом писали Роберт Уилсон и Зыкин. Так что всеобщая воинская повинность служит не для обороны страны, так как с этой позиции намного эффективней профессиональная армия, а как средство промывки мозгов, по крайней мере, мужской части ее населения.

– Я что-то подобное подозревал уже давно.

– Да? И что навело тебя на эти подозрения?

– Сначала отец... Он был вполне нормальным, умным мужиком, но когда его переключило, в нем словно включался магнитофон, и тогда он нес ахиною о том, что он сталинский сокол... А потом еще день десантника. Неспроста же относительно нормальные в другие дни люди разом, словно оборотни в полнолуние, сходят с ума в установленный день. Одно время мне даже казалось, что день десантника – это что-то вроде тестового дня; что с ними в армии сотворили нечто такое, что, в случае чего включит в них программу «война», и они превратятся в гвардейцев из «Обитаемого острова». Тем более что Стругацкие практически ничего не выдумывали, а «Град обреченный» вообще оказался пророческой книгой, начиная с нашего павианов и заканчивая Фрицем Гейгером. Вот только из «Града обреченного» мы постепенно начали превращаться в «Трудно быть богом», а это...

– Прошу к столу, – перебила меня Валя.

– Как ваша мама? – спросила Валя Господа, когда мы сели за стол. Он был накрыт на кухне.

– Прекрасно. Кстати, она у меня офицер. Капитан-подводник. Причем самый настоящий подводник – всю юность на подводах проездила. Лейтенанта она получила на военной кафедре в институте, а с возрастом ей дали капитана. Правда, я совершенно не понимаю, что это за штука такая диковинная: подводная лодка. То ли это лодка на конном ходу, то ли какая-то хрень на подводе. И если можно, давайте на «ты».

За переход на «ты» мы и выпили.

– Хорошее вино, – сказал я.

– Его мы купили в магазине, где тарится главный ростовский раввин, – не без гордости сообщила Людмила.

– Люда работает с человеком, который его хорошо знает, – объяснил ее осведомленность Господь.

– Как ты умудрился сварить пригоревший суп? – спросила Валя.

– Нет ничего проще. Поставил варить горох, а горох я варю в малом количестве воды. Он же, гад, всю воду в себя вобрал и пригорел. Так что суп получился с запахом костра. Ну ничего, мы с Людой ели, и до сих пор живы.

Дальше мы пили под обычные за столом разговоры. Когда вино закончилось, женщины выставили нас с Господом подышать воздухом в другой комнате, а сами принялись накрывать на стол к чаю.

– Это ничего, что я напросился, да еще и пришел не один? – спросил меня Господь, когда мы устроились на диване в гостиной.

– Все нормально. И, кстати, она очень милая барышня.

– Мне ее муж сосватал.

– Как?

– Как-то я оказался у них дома по какому-то делу. А он возьми и начни ее расхваливать: какая она красавица и умница. Ну и уговорил.

– Так ты ее у него увел?

– Не совсем так. Брак – это бизнес, и в плане бизнеса с мужем у нее все в порядке. У нас с ней любовь. А любовь и бизнес – вещи несовместимые, хоть и могут занимать одно пространство-время.

Чаепитие принесло душевное многоточие, поэтому, покончив с чаем, я предложил:

– А давайте откроем еще бутылочку, только переберемся в комнату. А то у меня от табу-ретки лицо уже затекло.

– Зато здесь нет телевизора, – сообщила Люда.

– Не волнуйся, у нас нет телевиденья, как такового, – поспешила заверить ее Валя.

– Так почему ты господь? – спросила Валя, когда вино помогло любопытству победить скромность.

– Я господь, потому что творю себя по своему образу и подобию, а не приношу в жертву социальным нормам, приличиям, религиям и прочим идолам. Ведь только тот, кто имеет все основания сказать это, достоин вкусить плоды познания.

– Познания добра и зла? – спросила Валя.

– Нет, просто познания. Добро и зло сюда приплели моралисты, отравив ими не одну прекрасную историю.

– Прямо как Ницше: по ту сторону добра и зла, – вставил я.

– Добро и зло, – подхватил он, – как и вся социальная мораль – это убивающее в человеке создателя порождение паразитизма. Человеку и без того отпущено не так много времени, чтобы разобраться в себе, отделить семена от плевел, понять, кто он, излечиться от последствий воспитания семьей и школой, а тут еще социальная мораль. Подобно тому, как обычные паразиты влияют на поведение своих носителей, заставляя их поступать в угоду себе, социальные паразиты заставляют людей работать на себя, отравляя их сознание моралью. Не зря же положительные герои всегда выглядят такими тупыми задротами.

– А я вычитала в одном блоге, что наш мир изменяется одновременно в прошлом, настоящем и будущем, а раз так, то наше прошлое столь же эфемерно и непредсказуемо, как и будущее. А все поползновения историков – это лишь жалкие попытки закрепить наше прошлое словами. Будем умничать, или, может быть, потанцуем? – выдала Людмила, устав от философии Господа.

Ее предложение поддержала Валюша, и нам с Господом ничего не оставалось, как присоединиться к дамам, хотя, должен признаться, я никогда не испытывал любви к танцам. А потом пришло время вызывать такси.

– Тебе дать телефон? – предложила Валя.

– Ни в коем случае! – буквально вскричал Господь. – Такси ни при каких обстоятельствах нельзя вызывать по телефону.

– Предпочитаешь ловить на улице?

– Существуют особые правила вызова такси, нарушение которых отбросит ваши кармические достижения назад на ббб калып, – изрек Господь и принялся объяснять, как надо вызывать такси.

По его версии инструкция вызова такси выглядит примерно так:

1. Впервые вызывать такси следует под руководством Мастера Вызова Такси. Мастер вызова такси – это человек, который не только владеет необходимыми навыками вызова такси, но также владеет необходимыми навыками обучения вызова такси.

2. Перед началом сеанса вызова такси необходимо открыть форточку или приоткрыть дверь – через них в помещение проникнет информационный образ такси.

3. Расставьте стол и стулья так, чтобы вызывающие такси люди могли, взявшись за руки, образовать замкнутый круг. Положите на стол магический круг (лист бумаги с написанными по кругу буквами алфавита. Внутри этого круга расположен круг с цифрами. Поставьте в центр круга блюдце. Расставьте на столе свечи так, чтобы они никому не мешали. Зажгите их.

4. Возьмитесь за руки, образуя замкнутый круг. Представьте, что тем самым вы создаете энергию для связи с информационным образом такси. Прodelайте это в течение 10 – 15 минут. Затем разорвите круг.

5. Дотроньтесь кончиками пальцев до края блюдца и произнесите хором: «Информационный образ такси, приди!». Призывать образ такси следует от 5 до 23 раз. До тех пор, пока вы не почувствуете вибрацию блюдца, словно у него завелся двигатель.

6. Обсудите с такси при помощи магического круга маршрут, время прибытия и стоимость поездки. Старайтесь задавать максимально простые, требующие однозначного ответа вопросы. Если беседа вас удовлетворила, произнесите от 5 до 23 раз: «Такси материализуйся» и ожидайте материализации такси у подъезда.

7. Если материализация такси не произойдет или информационный образ такси не сформируется, повторите сеанс на следующий день. В деле вызова такси необходима тренировка навыков. Главное, ни при каких обстоятельствах не прибегайте к вызову такси при помощи телефона, так как в этом случае ваши кармические достижения будут отброшены назад на ббб калып.

Это напомнило мне спиритическую игру «Заяц». Играть в нее хорошо в относительно больших, в меру выпивших компаниях. Играть предельно просто. Ведущий усаживает вокруг стола игроков согласно их зодиакальным знакам. На стол ставится свеча и тарелка. Все кладут на стол руки ладонями вниз пальцами к тарелке, и ведущий объясняет правила:

– Самое главное не смеяться, – говорит он. Затем продолжает, – игра состоит из нескольких кругов. Во время первого круга мы должны назвать имя следующего за нами человека и задать вопрос: А ты умеешь играть в спиритическую игру заяц? Тот, у кого спросили, должен ответить: Нет, я не умею играть в спиритическую игру заяц. И самое главное не смеяться.

Разумеется, не смеяться не получается ни у кого, и игра постоянно начинается с самого начала, то есть с того момента, когда ведущий задает первый вопрос следующему игроку. А если вдруг игрокам каким-то чудом удается пройти первый круг, ведущий, ответив, что нет, он не умеет играть в спиритическую игру «Заяц», заявляет:

– Ну а если никто не умеет играть в спиритическую игру «Заяц», то какого хрена мы все тут делаем?

К сожалению, в игру эту можно сыграть только один раз.

Кроме Господа ни у кого не было больше ни желания, ни сил продолжать веселье, поэтому Валя, пожертвовав своими кармическими заслугами, вызвала такси по телефону.

– А твой друг не такой debil, как ты рассказывал, – сказала она, когда мы остались одни.

Сейчас, когда я относительно отстраненно смотрю на те события, мне кажется удивительным, с какой легкостью я сначала принял свою смерть, а потом и привык к ней. «Раз

смерть ничем не отличается от жизни, – думал я, – то какая разница, жив я или мертв». Вот только смерть моя действительно оказалась смертью в виде демаркационной линии между «до» и «после» и одновременно триггером или пусковым механизмом, запустившим во мне, не знаю, кем и когда заложенную программу, радикально изменившую если не сам поток событий, то мое восприятие и осознание этого потока.

Мое первое прозрение произошло во время очередного разговора с шефом за чашкой чая. Перед этим я буквально силой ему подсунул фильмы из цикла «Игры богов», предупредив, что первые четыре акта предназначены для театралов или околотеатральной публики, тогда как, начиная с пятого акта – это настоящая мировоззренческая бомба. Эти фильмы раскрывают всю глубину дохристианского славянского мировоззрения, которое меня лично очаровало своей красотой. Шефа эти фильмы тоже очаровали.

– Конечно, – сказал он, – в чем-то авторы фильма, разумеется, гонят, ну да кто у нас без греха. Зато в главном они правы: если большинство из нас начнет мыслить в этом ключе, мир значительно изменится в лучшую сторону.

– Наверно поэтому старающиеся донести что-то настоящее люди пытались выразить свое глубинное понимание в виде мифов, поэм и притч. С одной стороны, в притче можно передать тот самый вкус недосказанности, который наполняет ее неземным ароматом, каким, например, пропитаны стихи Басе; а с другой стороны, никто уже не прицепится с тем, что автор напутал здесь с датой, а там искажил имя какого-либо участника описываемых событий, да и вообще все это противоречит теории какого-нибудь Реликтенштейна, который в своей работе с непроницаемым названием доказал...

– Это как мои друзья-музыканты, – подхватил шеф, – выучив ноты и аккорды, они научились слышать музыку. Для них музыка теперь – это набор составных частей и принципы их соединения, а саму музыку, или то нечто, что передается при помощи звука от человека к человеку... Ну да и хрен с ними.

– Ты, кстати, никогда не думал, почему у нас все делается через жопу? – сменил он резко тему.

– Наверно, потому, что наша страна находится под покровительством святого Проктолога.

– А если серьезно? Почему, куда ни глянь, везде даже самые замечательные идеи воплощаются в жизнь в наиболее маразматической форме? Да ладно бы только у нас, это можно было бы списать на наш менталитет или на большевиков, убивших всех, кого только можно было заподозрить в способности мыслить, но ведь эта херня происходит во всем Мире.

– Наверно, маразматичность – это неотъемлемое свойство нашей человеческой природы.

– А знаешь, к какому выводу я пришел?

Разумеется, я этого не знал.

– Наша беда в том, что мы старательно фетишизируем любую идею или явление. Взять тех же гомосексуалистов. В ряде процветающих, кстати, культур гомосексуализм вообще не выделялся во что-то особенное. Но затем, с появлением того же христианства, гомосексуалисты в одночасье превращаются в извращенцев и преступников. Затем, с приходом политкорректности, гомосексуализм превращается в достоинство, за которое можно простить чуть ли не все грехи. И так со всем, словно в нашем восприятии реальности кто-то до упора выкрутил ручку контрастности изображения, и все теперь нам видится в наиболее крайних тонах.

Или взять нашу же слепоту. Ведь достаточно почитать того же Гоголя, чтобы понять, что ни хрена у нас с тех времен в обществе не изменилось. Несмотря на научно-технический прогресс, несмотря на революцию и перестройку. А если так, то что можно ждать от смены правительства? Ровным счетом ничего. Да и что может изменить простая смена Иванова на Петрова или Сидорова? Ведь каждый из них не с Луны на нас свалился, а варился вместе с нами в одном и том же котле, затем долго лез наверх, проявляя те самые качества, которые необхо-

димы для всплытия на поверхность человеческих масс, а раз для всплытия требуются одни и те же наборы качеств, то и их обладатели будут фактически на одно лицо. И лишь изменение самих человеческих масс может привести к изменению необходимых для всплытия качеств. Массы же в своей массе совершенно не желают меняться, предпочитая ждать, что появится какой-нибудь хороший парень, который в миг решит все их проблемы, да так, что самим массам палец о палец не придется ударить...

– А я, когда меня начинают доставать разговорами о том, какое у нас ужасное правительство, показываю оратору на ближайшую кучу мусора и сообщаю, что навалил ее не президент, не премьер, не депутаты, и даже глава нашего района не справляет нужду в подъездах домов и лифтах.

– И что, помогает?

Вместо ответа я улыбнулся. И тут меня озарило.

Я вдруг понял, что шефу совершенно фиолетово, какой я работник; что представляю я ценность исключительно как... духовный любовник, что ли. Душно человеку. Задыхается он в-семье-и-на-работе, задыхается от постоянной необходимости играть те или иные социальные роли, носить подходящие положению выражения лица, вести себя должным образом, и так далее. Одинок он, очень внутренне одинок, так одинок, как может быть одиноким только человек в окружении непонимающих, не желающих понимать его ближних, в окружении недалеких, а не близких людей. Что рожденный в эпоху, когда можно было свободно завалить к другу в гости без предварительного звонка, причем завалить так, чтобы засидеться в гостях до самого утра, не может он удовлетвориться ведением блога. Что нужен ему живой, из крови и плоти собеседник, который не отмахнется от волнующих его слов, как от пустой, не приносящей пользы болтовни, не испугается его истинного лица, не побоится показать свое...

Возможно, именно это одиночество и толкает людей на поиск бога, как кого-то, перед кем можно предстать в наготе души своей, перед кем можно покаяться, и кто обязательно тебя простит, да и как может быть иначе?..

А вот Юрка, тот наоборот, пытается при помощи умничаний уйти от себя. Одни для этого бухают, другие тусуют, третьи становятся трудоголиками, четвертые навязчиво лезут помогать другим, пятые... ну да и хрен с ними со всеми этими Юрками и теми, кто превращает наш мир в лужайку с пластиковой травой.

Поняв это, я вдруг спросил:

– А почему ты никогда не читал мне своих стихов?

– Откуда ты знаешь, что я пишу стихи? – удивился шеф.

– Ты из тех людей, кто просто обязан писать стихи. Считаю, что я тебя вычислил.

– Это не то, чтобы стихи, а так... Тебе действительно интересно? – замялся он.

– Еще бы.

– Тогда вот...

И он принялся читать мне стихи. Местами хорошие, местами плохие, искренние, надуманные... Когда он прочел мне их с дюжину, и понял, что я действительно слушал, что я не лукавил и не лицемерил, а совершенно искренне хвалил их или критиковал, на его лице появилось выражение совершенно детского счастья. Его счастье передалось мне. Мы просто сидели, два здоровых идиота в костюмах и галстуках и молча смотрели друг на друга с совершенно идиотскими (похоже, теперь только идиоты позволяют себе роскошь быть по-детски счастливыми) выражениями лиц. В тот момент мы были с ним словно два вражеских... или нет, инопланетных агента, два этаких марсианских Штирлица на кишасей здоровыми на все головы обитателями планеты, и наша непохожесть на них была нашей тайной. Еще немного, и я бы рассказал шефу о своей смерти, но шеф сказал:

– А пошли по домам, ну его все в жопу.

– В жопу, так в жопу, – согласился я.

И мы умчались с работы.

По дороге домой я думал о том, что на самом деле смерть – чертовски комичная штука, и только наш эгоизм и привязанность (на кого же ты нас покинул (а)!) и наш страх перед неизвестностью «после» делают ее чем-то ужасным. И даже переход от жизни к смерти бывает кошмаром в большинстве случаев исключительно из-за нашего цепляния за жизнь. Исключением являются разве что те случаи, когда человека заставляют страдать его же ближние, позаботившись предварительно о том, чтобы он не смог добровольно отправиться в мир иной.

И выходит, что трагедия – это комедия, пропущенная через призму привязанности и страха.

Ужасной же бывает именно жизнь. Просранная, пустая, растроченная на всякую ерунду, на погоню за химерами и навязанными, чуждыми нам ценностями, ежеминутно отравляемая как собой, так и ближними, и особенно близкими, любящими нас людьми... В результате мы приходим к смерти в лучшем случае лишь с несколькими действительно стоящими мгновениями среди долгих попусту растроченных лет. Это действительно страшно. Кстати, в какой-то из восточных традиций, сейчас я уже не помню в какой, продолжительность жизни человека измеряют исключительно в действительно ценных мгновениях, считая, что всем остальным временем пребывания человека в его теле можно попросту пренебречь.

Потом мне пришла в голову мысль о том, что было бы забавно, если бы для входа в любое помещение надо было бы кидать монету или специальный жетон в замочную скважину.

В маршрутке я встретил Господа. Место рядом с ним было свободно, словно ждало меня.

– Скажи мне, – спросил он, когда мы поздоровались, ты веришь в НЛО?

– Я не верю, – ответил я, – не в НЛО, а вообще.

– Во как! – оживился он.

– Видишь ли, есть вещи, которые я знаю. Намного больше того, чего я не знаю. Относительно части неизвестных мне вещей у меня есть определенное мнение или набор гипотез. Так вот, вера во что-либо – это возведение той или иной гипотезы в ранг истины без каких бы то ни было для этого оснований. Другими словами вера основана на неспособности или нежелании человека понять гипотетический характер принимаемых им за истину утверждений. А это либо насилие над разумом, либо отсутствие его, как такового. Что же до НЛО, то тут есть весьма и весьма интересный казус: Дело в том, что статистически НЛО наблюдало значительно больше людей, чем ту же английскую королеву или нашего президента. При этом НЛО у нас официально не существуют, тогда как сомнение в существовании королевы или президента допустимо разве что на страницах художественного произведения.

– Интересная мысль. Не хочешь зайти куда-нибудь посидеть за чашкой кофе?

– С удовольствием.

Мы зашли в кафе. Заказали кофе и по кусочку чизкейка.

– Чем больше я с этим сталкиваюсь, тем сильнее меня пугает та топорность, с какой сегодня власти проводят политику всеобщей охренистианизации и патриотизации населения, – изрек Господь и посмотрел на меня.

Судя по его взгляду, он ждал каких-то слов от меня, поэтому я сказал:

– Знаешь, у меня со времен школьных политинформаций на политику стойкая аллегория с приступами тошноты в случае передозировки, так что я усиленно старюсь не следить за происходящим в стране, тем более что только так можно хоть что-то понять в окружающей нас действительности.

– Вот именно! У любого нормального человека эти методы не могут не вызывать отвращения к насаждаемым ценностям, и насаждающие их люди не могут этого не понимать. А это может означать либо то, что количество, да и качество нормальных людей таково, что ими легко можно пренебречь и не забивать себе голову новыми технологиями в области управле-

ния массами. И тогда нас ждет реставрация всех прелестей той жизни, об одном только упоминании о которой любому нормальному человеку становится тошно. Либо якобы насаждая эти ценности, власти желают выработать рвотный рефлекс у населения, чтобы на этой волне тошноты впихнуть в нас под видом противорвотной пилюли очередной и наверняка еще более маразматический пакет обязательных для всеобщего разделения ценностей.

– А почему обязательно маразматический?

– Потому, что в ответ на обвинение в маразматичности отстаиваемых утверждений обвиненный в этом чаще всего заявляет: «Ну давайте тогда...» и предлагает нечто еще более маразматическое под видом чуть ли не единственной альтернативы. Одно время я думал, что это – тактический прием спора, но позже убедился в том, что слишком многие люди так мыслят и всю жизнь делают выбор между теми или иными маразмами, не понимая того, что сами доводят любую идею до крайней степени маразма.

– Кстати, а мы с тобой в какой-то степени коллеги, – сменил я тему, вспомнив недавний разговор с шефом.

– Это в каком еще смысле?

– Как сказал мне один весьма интересный человек, одной из наших наиболее ненасытных потребностей является потребность заебывать всех и вся, и с этой точки зрения бог – это тот, кого можно заебывать в любое время дня и ночи. Осознав это, предприимчивые люди создали своеобразные институты заебывания или религии, члены которых за право заебывать бога своими молитвами должны не только содержать администрацию этих институтов, но и практически беспрекословно выполнять все их требования и всячески способствовать как добровольной, так и принудительной вербовке новых членов в эти институты. Так бог из заебываемого превратился в заебывающего или своего антипода, имя которому дьявол.

– А причем здесь ты?

– Я внимательно слушаю этого человека, играя тем самым для него роль бога.

– Это все, конечно, здорово, но тут есть одно «но»: как бог я не бог ведь кто, так как у меня совершенно нет времени на чьи-либо заебы. Я же создаю себя по своему образу и подобию, поэтому я господь, но никакой не бог.

– То есть бог – это неотъемлемая часть института тотального заебывания, а господь – это тот, кто творит себя по образу и подобию? Ты предлагаешь разделить эти понятия?

– Дело не в понятиях, а в понимании.

– Резонно, черт возьми!

– Идея же весьма забавна. Надо будет ее предложить кому-нибудь из психотерапевтов.

– Таки да. Кстати, эта гипотеза весьма наглядно объясняет, почему церковники не любят психотерапевтов.

– Как мама? – спросил я, когда и эта тема была исчерпана.

– Ты знаешь, вполне. А вообще... Мы недавно пришли к выводу, что ее болезни – это не только проклятие, но и дар.

– С чего это вдруг? – удивился я.

– Видишь ли... У нас в семье никогда не было принято выражать свою любовь. Так родителям, несмотря на то, что они меня очень сильно любили, даже в голову не могло прийти поцеловать меня на ночь. Для меня «мама я тебя люблю» или «папа, я тебя люблю» были неприемлемыми словами. К тому же мама всю жизнь была кому-то должна не в смысле денег, а в смысле стирать, готовить, убирать, накрывать на стол... Для нее было немыслимо лечь спать, если в раковине лежит грязная посуда, какой бы уставшей она ни была. А когда к нам приходили в дом люди, она из кожи вон лезла, чтобы принять их по всей строгости кодекса хорошей хозяйки. Единственным человеком, на кого у нее никогда не было времени, была она сама, и вот теперь, после инфаркта, трех клинических смертей, сердечной блокады и инсульта она, наконец, смогла себе позволить хоть немного пожить для себя. Да и табу на проявление

чувств, к счастью, исчезло к чертовой матери. Опять же, когда понимаешь, что твой действительно близкий человек может умереть в любое мгновение, начинаешь многие вещи воспринимать совершенно иначе. То, что раньше могло разозлить до белого каления теперь перестало что-либо значить, а каждая лишняя минута человеческой близости стала бесценным даром. Жаль только, что, когда все нормально, этого не понимаешь.

Я представил себе, что с моей Валечкой может что-то случиться, и от одной только мысли об этом мне стало тошно. Повинуясь настроению, я купил бутылку ее любимого вина, букет цветов и отправился домой готовить обед – ведь кто может знать, сколько впереди у нас шансов сделать друг другу что-нибудь приятное. Ведь то, что моя смерть оставила все прежним, изменив только меня, как наблюдателя, еще не означало, что и последствия ее смерти окажутся такими же.

Была среда 23 марта. Мы с Валюшей освободились раньше обычного и, несмотря на довольно-таки пасмурную погоду, решили пойти погулять. Во время прогулки мы встретили Господа с Людмилой.

– А я научился мыть фарш, – гордо выпалил Господь, даже не сказав «здрасьте».

– Как это? – удивилась Валюша.

– Ты где берешь фарш? – набросился он на нее.

– Из мясорубки.

– А я беру его на базаре у своего мясника, который торгует местным, выращенным частниками мясом.

– Я бы не рискнула...

– Да нет, – перебил Валю Господь, – я беру не то, что уже накручено неизвестно из чего, а покупаю мясо и прошу при мне перемолоть. А так как базар – это базар, и мясо там один хрен толком никто не помоеет, есть его немывтым как-то не комильфо. А как ты его помоешь, если оно уже фарш? Вот я и придумал! Я проткнул кулек с фаршем несколько раз вилкой и помыл его прямо в кульке.

– Обратись в Нобелевский комитет, – посоветовал я.

– А вот зря ты так, – обиделся он. – Между прочим, мытье фарша – дело не из последних.

– Да я разве что...

Дамы принялись рассуждать о недоступных нашему пониманию женских сторонах бытия, предоставив нас с Господом самим себе.

– Как поживаешь? – спросил Господь, когда мы пропустили вперед дам, чтобы они прокладывали путь, а мы могли спокойно следовать за ними.

– Странно, – ответил я. – Я чувствую себя этакой запущенной в жизненное пространство ракетой, у которой в расчетные моменты отделяются ставшие лишними ступени, включаются и выключаются двигатели и так далее. Я же всего лишь лечу сквозь это пространство и собираю пыль жизненного опыта на фюзеляже и специальных уловителях. Вот только ракета эта мне все больше кажется обычной алюминиевой жестяной, а жизненное пространство – большим таким сараем с фанерными декорациями. А раз так, то и опыт мой получается каким-то поддельным.

– А это уже интересно, – оживился он. – Похоже, то, что ты называешь смертью, запустило в тебе способность восприятия игры.

– Какой еще игры? Я ни во что не играю.

– Игра – это то, что играет в нас, а не то, во что играем мы. В некоторых людях включается программа восприятия Игры, остальные так и умирают, ничего о ней не зная.

– И что это за игра?

– Это такая игра, что вот так про нее можно все рассказать лишь тогда, когда знаешь о ней понаслышке. На практике ты либо настраиваешься и начинаешь повсюду замечать ее следы,

либо этого не происходит. Все, что мы видим, находится внутри игры. Играет ли в нее кто-либо? Неизвестно. Религиозные люди считают, что игру запустили боги или бог, вот только любой бог тоже находится внутри игры.

– Как это? – удивился я.

– А как в компьютерных играх. С одной стороны, у игрока есть огромная степень свободы или я бы даже сказал свободы воли. Он сам может решать, как поступить в тот или иной момент; с другой же стороны, он свободен исключительно в границах условий игрового пространства и целей игры. Создатель или господь-бог игры тоже был свободен в рамках своей компетенции или профессионализма, а также возможностей компьютерной техники и программного обеспечения. И так до бесконечности. Все в каких-то рамках, границах, позволениях, масштабах и так далее, словно мир является аналогом Прокрустова ложа.

Или вот другой пример: речь устная и письменная. Так, благодаря тому, что для письма мы традиционно используем двумерное пространство или плоскость, мы, будучи персонажами бумажной книги, ни за что не смогли бы сделать то, что нам без труда удалось бы, будь мы персонажами аудиокниги, а именно говорить одновременно. Ведь даже когда один из нас на бумаге перебивает другого, тот в это время вынужден замолкать. В лучшем случае на бумаге можно создать чертеж-развертку одновременной речи и инструкцию для конвертации ее в речь устную в голове читателя.

– Хочешь сказать, что одновременна речь – явление трехмерное?

– В смысле?

– Ну, если бы мы писали в три дэ, то одновременные реплики можно было бы размещать одну над другой.

– Хм... Интересная мысль! И с точки зрения передачи одновременной речи абсолютно верная. Зато с позиции структурирования последовательного текста письменная речь имеет как минимум на одно измерение больше, чем устная. Чтобы в этом убедиться достаточно попытаться воспринять на слух наглядно структурированный текст даже без таблиц и схем. Достаточно разбить его по пунктам, воспользоваться скобками, курсивом или иным способом выделения тех или иных фрагментов, и вместо текста мы уже имеем текст-картинку, который, в случае той же записи его в качестве аудиокниги, необходимо переструктурировать в обычный поток слов или фактически переписать заново.

– И что? – не понял я, к чему он все это нес.

– И ничего.

– А какой тогда в этом смысл?

– Смысл? А почему в этом обязательно должен быть смысл? Кстати, умолчания, вроде обязательного наличия смысла, например, смысла нашего пребывания на этой планете – еще одна сторона игры.

Задаваясь вопросами, люди увязают в паутине готовых ответов, и когда хозяева паутины отравляют их своим ядом, эти люди начинают, прямо как зомби в кино, набрасываться на все живое, чтобы растерзать или превратить в подобную им нежить. Те же, кто прорывается сквозь паутину ответов и охраняющий ее строй зомби, обнаруживают некое описание игры, которое в очищенном от совершенно мешающих трезвому на нее взгляду морали и предрассудков выглядит примерно так:

Человеческому сектору игры, а она охватывает далеко не только нас, свойственны 3 + 1 уровня игры.

На первом уровне находится подавляющее большинство человек, и для этого подавляющего большинства первый уровень является основным и достаточным. На этом уровне находится все, что составляет вселенную обычного нормального человека или так называемый реальный мир. Это наука, религия, дом, работа, политика, экономика, культура, технология... Все, что ты до сих пор видел вокруг, все, чем ты жил – это первый уровень игры. А многие

обитатели этого уровня вообще не признают даже возможность существования иных ее уровней, считая их выдумками, сказками и предрассудками.

Третий уровень...

– Ты забыл про второй, – перебил его я.

– Второй уровень промежуточной, поэтому я сначала расскажу про третий. И постарайся меня не перебивать, или давай сменим тему, если тебе не интересно.

– Еще как интересно, – поспешил я его заверить.

– Так вот, третий уровень – это уровень веданья или глубинного понимания сути игры. Это уровень тех редких птиц, которые долетели до середины Днепра. Эти люди идут по жизни, не оставляя ряби, и слова совершенно не годятся для того, чтобы говорить о них.

Им пытаются подражать люди второго уровня. Не имея глубинного понимания сути вещей, люди этого уровня попросту заучивают и повторяют в мельчайших деталях то, что когда-то сделали люди третьего уровня. Это повторение порождает ритуал и магию. Не ту фигню, которой занимаются порчесниматели, а настоящую магию. Уровень магии – это весьма серьезный уровень. Но даже самая настоящая и серьезнейшая из магий есть лишь слепое копирование веданья.

Таковы человеческие уровни игры. Но есть в этой игре еще один уровень, на который удастся перейти отдельным счастливым. На этом уровне человек сливается в единое целое с игрой, и перед ним рушатся все ее ограничения. Это уровень абсолютной свободы сознания, которую мы, люди внутри игры, даже представить себе не можем.

Лучше, пожалуй, я не смогу рассказать. Так вот, главным недостатком этой схемы является то, что она написана теми, кто готов положить свою жизнь на поиск выхода на последний уровень, для таких же, как они. Поэтому уровни игры представлены в виде некой иерархической лестницы, хотя на самом деле нет среди этих уровней ни высших, ни низших.

Раньше эта схема была известна только узкому кругу заинтересованных лиц, но какое-то время назад произошла утечка информации, и с тех пор в упрощенном для понимания человеческой массы, разбавленном моралью и предрассудками виде она подается, как некий идеал, к которому должен стремиться чуть ли не каждый человек. Так эта схема стала образом и подобием паутины, в которой запутавшиеся люди превращаются в зомби.

Другим недостатком иерархичности уровней является неправильная идея о том, что переход на более высокий уровень позволит значительно легче решать задачи более низшего уровня, и многие люди зря тратят время и силы на совершенно ненужные им вещи, а потом, разочаровавшись, начинают поливать грязью чуждые для них уровни игры.

Дело здесь в том, что единственно верной задачей любого человека является создание себя по своему образу и подобию. При этом самореализацией одного человека может быть спорт, другого – музыка, третьего – математика, четвертого – кулинария... И если так, то человеку нужно заниматься самореализацией именно в своих областях на своем уровне игры, а не лезть на чужой уровень в чужую игру, так как кроме несчастья чужая игра не может дать ровным счетом ничего.

– Прямо как в песне «Машины времени».

– Вот именно, прямо как в песне «Машины времени». Я тебя еще не утомил?

– Упавшее яблоко оказалось настолько тяжелым, что в голове у Ньютона перемешались все мысли со словами, и вместо «ой, бля!» он выдал «эф равно эм а».

– А о чем это вы так увлеченно беседуете, что совершенно забыли о нас? – спросила Валя.

– У них эзотерический ликбез, – ответила ей Люда.

– Тогда господа эзотерики может мне объяснят, почему, куда ни плюнь, везде эзотерика. Я уже устала под ноги смотреть, чтобы не вляпаться во что-нибудь эзотерическое.

– Потому что так называемая эзотерика – это не имеющий ничего эзотерического суррогат для скучающего обывателя, плюс возможность организации клубов по интересам. Настоя-

щие знания в любой области являются либо гностическими, либо эзотерическими, – ответил Господь.

– О чем это ты? – не понял я.

– Эзотерический – это скрытый от непосвященных. А раз так, то та же математика на все сто процентов эзотерическая наука. Ведь для того, чтобы ее постичь, нужно пройти несколько ступеней посвящения в виде изучения арифметики в начальной школе, потом алгебры и геометрии в средней, потом высшей математики в институте и так далее, до самой вершины или узкого внутреннего круга, чей математический язык общения принципиально непонятен профанам.

В качестве примера гностического вида знаний можно привести сексуальный оргазм, познать который можно только одним способом: испытав его.

Степень посвящения в гностические или эзотерические знания в той или иной области бытия зависит, прежде всего, от способностей и труда человека. А так как способности и трудолюбие у нас напрочь отбиваются семьей и школой, то потенциальных кандидатов на вступление во внутренний круг раз, два и обчелся, что не мешает буквально всем мнить себя центрами вселенной. Вот наиболее предприимчивые граждане и создали индустрию эзотерического туризма, позволяющую любому идиоту за ту или иную плату почувствовать себя приобщившимся к величайшим таинствам древних знаний.

– Не знаю, как вы, а я уже замерзла, – сообщила Люда. Скорее всего, ей попросту надоела наша болтовня.

– Может, зайдём куда-нибудь посидим? – предложил Господь.

– Да нам, пожалуй, уже пора домой, – решила за нас Валя.

– Он тебя не утомил своей болтовней? – спросила она, когда мы остались вдвоем.

– Да нет.

– Встретились шиза с френией.

Ночью мне приснился огромный завод, даже не завод, а заводище по переработке людей в дебилов, над воротами которого красовался транспарант с надписью: «У нас самообслуживание».

– Упрощение упрощает, – прошептал мне кто-то на ухо и исчез, а я проснулся.

В следующий раз я встретился с Господом 14 июля. За время, что мы не виделись, произошла всего пара событий, о которых можно было бы рассказать. Первым был разговор с шефом. Мы дегустировали у него в кабинете кофе с коньяком и чем-то еще по вычитанному в интернете его секретаршей рецепту. Напиток располагал к разговору ни о чем.

– Ты никогда не думал о том, что для окружающего нас мира мы играем ту же роль, что и свалившийся на головы динозавров астероид? – спросил он после разговора «о видах на урожай».

– Так экологи об этом только и трезвонят, – ответил я. – Глобальное потепление. Очередное вымирание видов. Уничтожение родной планеты. И так далее. Чего это ты вдруг заговорил на эту тему?

– А то, что мы не только пиздец природы, но и элемент новой, поствымиранческой среды обитания.

– И что? – не понял я, к чему он клонит.

– А то, что уничтожение окружающей среды – это одновременно и создание новой среды, а вслед за вымиранием происходит эволюционный скачек, порождающий устойчивые к новой среде обитания виды. А так как мы оккупируем практически всю территорию планеты, мы и есть эта новая среда обитания. Это означает, что нас ждет появление живых существ, имеющих иммунитет против всего нашего арсенала. Сначала появятся устойчивые против лекарств

вирусы и микробы, затем более серьезные в плане строения организмы, способные отразить все наши попытки их уничтожить.

– Хочешь сказать, что на смену убиенных нами зверушек придут неистребимые монстры, которые, наконец-то сотрут нас с лица земли или поставят на место? Хороший сценарий для постапокалиптического кино.

– Кстати, именно поэтому каждый новый птиче-свиной грипп вызывает панические настроения не только у обывателя стараниями мошенников и пройдох, но и у серьезных исследователей, ожидающих возрождение убийственных пандемий в ближайшее время.

– Что с человеком ни делай, он упорно ползет на кладбище, – вспомнил я Жванецкого.

За такое было не грех и выпить, и мы выпили «по пятьдесят» неотягощенного кофе коньяка.

Еще был интересный разговор с Юрой за пивом с рыбой:

– У нас почему-то принято не любить власть, – потянуло его на рассуждения после того, как мы охрипли от «Безобразной Эльзы». – Все ее ругают, все ею недовольны, все, кроме самой власти мечтаю о ее смене... А ведь если разобраться, мы ничего о ней толком не знаем. Сама власть существует где-то там за грифом секретности, а то, что мы за нее принимаем, есть не более чем шоу с играющими власть актерами в ролях первых лиц и их леги. И эти актеры... они сами говорят, сами ходят, прилично выглядят, и вообще за них не стыдно перед приличным обществом. При этом достаточно переключиться с телевизора на торренты, не читать газет и не слушать радио, и от власти останутся разве что сплетни в местах скопления людей и интернете.

Другое дело интерфейс власти с его ментами, которых лучше обходить десятой дорогой, с его чиновниками, справками, марзматическими требованиями, отчетами, денежно-смазочным веществом и прочими известными всем нам атрибутами. И этот интерфейс пережил революцию, социализм, перестройку и теперь благополучно переживает переход от демократии к религиозно-фашистской хунте. Никакая смена власти его не берет, а раз так...

После этих слов он махнул рукой и предложил выпить.

Как я уже написал, была середина Июля. У нас с Валею только-только начался отпуск, большую часть которого мы решили провести в Турции. Валюша уехала на пару дней проведать родных, и я был дома один. Остался отоспаться за весь трудовой год. Устав лежать в постели, я решил сходить на рынок, купить что-нибудь поесть, а заодно и немного размяться.

В подъезде я столкнулся с ревущим Ильюшкой. Оглашая окрестность своими воплями, он шел домой, куда при помощи хворостины, словно селянка корову, его гнала мать. В свои 4 года Илья был еще тем «цветочком». Впервые я обратил на него внимание в прошлом году, когда он стоял у входа в подвал и кричал:

– Бабай!

До этого он несколько раз порывался на разведку подвальной части нашего дома, и чтобы его урезонить мать или бабушка рассказали ему о живущем в подвале Бабае, который вот уже на протяжении нескольких веков работал детским кошмаром. Илья на этот рассказ отреагировал по-своему. В зависимости от настроения он либо рвался к Бабаю в гости в подвал, либо кричал ему, чтобы он выходил гулять.

Несколько дней назад я встретил его бабушку. Она тащила на улицу ковер.

– Куда это вы его тянете? – спросил я.

– На речку. Стирать. Илья, гад такой, на ковер в зале нассал.

Услышав это, вертевшийся тут же Илья воодушевился и заявил:

– Так что, я могу теперь тебе на него и насрать?

В другой раз он подбежал к сидящей на лавочке тетке с нашего дома и чуть ли не до крови цапнул ее за ухо.

– Опять что-то натворил? – поинтересовался я у матери этого достойного отпрыска.

– Написал девочке в ведро в песочнице. Та играла себе там спокойно, а он подбежал, гад, отобрал ведро и нассал, – ответила она.

– А зачем? – спросил я у него.

– А куда мне было писать? В песок же нельзя, – ответил сквозь слезы Илья.

У подъезда стоял гроб со старушкой из нашего подъезда. Рядом толпились в меру скорбящие родственники. Покойница бездыханно лежала в гробу, как все нормальные покойники, да и умерла она по-людски: сначала долго болела, затем впала в маразм. Начала, как это принято у маразматиков мазать какашками стены и пол в квартире, а когда оставалась одна, ложилась на коврик у входной двери.

Когда жившие с ней сын или невестка у нее спрашивали, зачем она это делает, она отвечала:

– А как же? Вас никого дома нет... а вдруг воры? А так они дверь откроют, а тут я...

Так что ее смерть была вполне обычной, естественной и, можно сказать, долгожданной.

Глядя на гроб, я подумал: С одной стороны, в подавляющем большинстве мы боимся смерти, как чуть ли не самого страшного из всего, что только может с нами случиться. С другой стороны, если послушать скорбящих, все их «да на кого ты нас покинул», «как мы тут без тебя», «ты теперь в лучшем мире» и так далее, становится понятно, что в большинстве случаев родственники усопших плачут не по ним, а по себе, по оставшимся в живых. И получается, что скорбящие плачут чуть ли не от обиды на то, что покойный «ушел», а их с собой не взял; плачут от зависти к покойнику. И получается, что больше всего завидуем мы тому, чего больше всего и боимся. А потом я подумал, что чем черт не шутит, и вполне возможно, что смерть – это один из тех квантовых процессов, которые заставляют вселенную делиться, подобно живой клетке. Ведь вполне может быть, что это только в нашей реальности она умерла и была предана земле, а в другом точно таком же мире она, как и я, изводит себя ставшими вдруг бытовыми еще недавно такими метафизическими вопросами.

А еще мне подумалось: Интересно, почему на кладбищах вокруг могил не выращивают какую-нибудь петрушку?

По дороге на базар я встретил Диму. Есть у меня такой старинный приятель.

– Хочешь историю? – спросил он после «привет» и «как дела».

– Давай, – ответил я.

– Приходит ко мне на работе один штукатур с переноской, – Дима работает специалистом по починке всякой электрофигни в строительной конторе, – и говорит: «Дмитрий, посмотрите, мне кажется, она не работает». Я ему говорю: «Оставляйте». Он оставляет переноску. Приходит часа через два. «Вы посмотрели?», – спрашивает. «Да», – отвечаю. «И что?» «Не работает».

Едва распрошавшись с Димой, я нос к носу столкнулся с Господом. Его лицо, мягко говоря, было недовольным. На мой вопрос: Чего такой хмурый? – он ответил:

– Да родственники приезжают, будь они неладны.

– Надолго?

– Постараюсь сделать так, что нет. Извини, мне надо к их приезду затариться. Их же чем-то нужно будет кормить.

Сказав это, он побежал дальше.

– Я позвоню, – бросил он уже на ходу.

Позвонил он на следующий день часов в 11.

– Чем занят? – спросил Господь, услышав мое «алло».

– Часа в четыре должна приехать Валюша, до этого я совершенно свободен.

– Может, встретимся в кафе?

– А как же твои родственники?

– Уже умотали. Это я и предлагаю отметить. Я угощаю.

– Хорошо.

– Тогда минут через сорок.

– Идет.

В кафе Господь щедро угостил меня рассказом о поразивших его своим быстрым отъездом родственников. Ими оказались кузен его отца Юрий Николаевич с женой.

В подростковом возрасте Юрий Николаевич умудрился попасть в психушку из-за того, что его спалили за занятием мастурбацией. В махрово советские времена эта приятная юношеская забава считалась психиатрической болезнью, требующей лечения в стационаре (!) психиатрической больницы.

Несмотря на это, он благополучно окончил школу, институт, женился, заделал пару детей, дослужился до начальника средней руки на довольно-таки крупном заводе, а потом его угораздило влюбиться. Жена, дабы урезонить страсть супруга, написала письмо в партком. Было собрание, затем развод и переезд Юрия Николаевича с теперь уже новой женой в другой город.

Господу тогда было что-то около 9 лет.

Во время этих бурных событий Юрий Николаевич привез свою пассию на смотрины к родителям Господа на дачу. Разумеется, выпили. Ее переклинило... Побежала она среди ночи на речку топиться. Юрий Николаевич в панике.

– Да чего ты дрочишься. Ничего с твоей Галей не сделается. Кому она нахрен тут нужна? – попытался успокоить его отец Господа.

– А если утопиться?

– Ничего она не утопится, а если утопится, туда ей и дорога.

– Как ты можешь так говорить?!

– Придет, никуда не денется. Жрать захочет.

Короче говоря, пришлось идти ее искать. Нашли. Она действительно полезла в реку. Увидев «спасателей», она начала орать:

– Не подходите! Я за себя не ручаюсь!

И далее в том же духе.

Юрий Николаевич разревелся. Если бы не глубина по пояс, бросился бы на колених ее умолять не делать этого. Шоу закончилось благодаря вмешательству друзей отца Господа. Они тоже были на даче и тоже ходили на поиски. Не обращая внимания на ее вопли, они схватили ее за волосы и, чтобы неповадно было, окунули пару раз с головой и подержали под водой... Помогло.

Когда отец Господа был живой, Юрий Николаевич часто приезжал в гости. Они напились, нередко начинали спорить. Юрий Николаевич, бывало, получал по лицу. Обижался. Отходил. Приезжал еще...

Однажды, он с директором своего завода по дороге на какой-то симпозиум в Москве заехали к отцу Господа. Пили в гараже. Директор утомился и прилег поспать в машине. Они, совершенно о нем забыв, заперли его в гараже и поехали пить на Левый берег Дона. Там они отвисали два дня. Забытый в гараже директор тарабанил все это время в ворота и зывал о помощи. Но соседи по гаражу почему-то решили, что отец Господа запер в гараже какую-то бабу, и вмешиваться не стали.

После смерти отца Господа Юрий Николаевич одно время тоже повадился в гости, но мать Господа вежливо его отшила...

Совсем недавно привела его к ним беда. Один из его сыновей слетел с катушек – переутомился во время сессии. Родители нашли для него приличную больницу, но их старенький «Москвичок» сломался, а везти парня из городской психушки в общественном транспорте... Разумеется, Господь помог им без разговоров.

А недели через две...

– Юрий Николаевич звонил, – сообщила мать Господу, – хотел, чтобы ты на выходные забрал его сына из психушки, свозил его на дачу...

– Он что, сам с катушек слетел?

– Ну не понимают люди.

– Нахрен он мне нужен? Что мне делать больше нечего, как на даче его психа выгуливать?

– Да и страшно... Мало ли что придет ему в голову?

– Ну и что ты ему сказала?

– Что мы уезжаем.

– Надо было дать мой телефон.

– Да нет, Володя, так как ты с людьми нельзя. А он, какой-никакой, а все же родственник.

– Ну и что? Я бы просто ему сказал, что выгуливание его детей не входит в мои планы.

И пусть обижается, сколько его душе угодно.

– Потом они надолго вроде как отстали, и теперь опять решили родню навестить – проведать больную маму. Они привезли с собой петрушки и к счастью свалили, так как им надо было куда-то еще. О том, что они мешают, что нам не до них, им даже в голову не пришло. Я перед отъездом им на всякий случай сказал, что нам теперь не до гостей и все такое, на что Юрий Николаевич выдал: «Да мы бы вас не стеснили. На полу переночевали бы и уехали». А что все это время их надо кормить, развлекать, стелить постель, стирать... то это не стеснение, это в порядке вещей, – закончил Господь свой рассказ.

– А как мама? – спросил я, когда он иссяк. Не то, чтобы меня это действительно интересовало, но в случае его молчания пришлось бы что-то рассказывать мне, а я этого не хотел.

– Тут недавно прикол был...

В общем, повадилась какая-то сволочь стучать молотком в семь утра. Постучит, разбудит, и все. Господь сначала грешил на соседа сверху, который вот уже как лет пять делал ремонт в квартире. А тут еще какие-то вмятины появились на карнизе на потолке над дверью в его спальню. На стене под карнизом вмятины, а на обоях на потолке «ссадины».

– Ты ничего тут такого не делала? – спросил Господь у матери, так как иного кандидата в виноватые у него не было.

– Да нет, что я совсем дура, – обиделась она. – Может, это сосед сверху?

– Тогда бы вмятины были с его стороны, а не с нашей.

Расследование осложняло то, что Господу не приходило в голову, как и чем можно было бы оставить эти следы. Ответ пришел где-то через неделю, когда Господь обратил внимание на форму и размер перекладки на швабре. Шваброй он пользовался редко с тех пор, как купил моющий пылесос. Когда следы на карнизе совпали с орудием преступления, мама призналась:

– Это я паутину убирала.

На следующий день, было воскресенье, Господа разбудил стук в без пятнадцати семь. Это стало последней каплей, и Господь ринулся к соседу, высказать тому все, что он думает. Но тот оказался не причем. Его алиби была сонная рожа и одни трусы из одежды. Оказывается, его тоже разбудил этот шум. Сойдясь с соседом во мнении о том, кем надо быть, чтобы в воскресенье стучать молотком в семь утра, Господь вернулся домой.

Следующие несколько дней загадка утренних стуков стала для него вопросом номер один. Ответ пришел неожиданно и с той стороны, с какой Господь его не ожидал. Тем утром он проснулся незадолго до стука. В соседней проходной комнате горел свет – привыкшая рано вставать мама уже была на ногах. Вдруг послышались крадущиеся шаги, затем в полоске света под дверью появились два темных пятна, – кто-то подошел к двери, – и начался стук. Господь тихонько подошел к двери и распахнул ее, застав маму на месте преступления. Как оказалось, ей было скучно ждать, когда он проснется, а спать он любил до обеда, и она сначала тарабанила шваброй в потолок, чтобы он думал, что это сосед, а потом ножницами в дверь.

Разумеется, Господь высказал ей все, что об этом думает. После этого утренний стук прекратился.

– А как она вообще?

– В пределах. Чудит, правда. Похоже, у нее проблема при переходе от сна к яви, и вроде как просыпаясь, она еще какое-то время продолжает находиться в реальности сна, пока окончательно не проснется. Один раз ей приснилось, что она Сталин, и все было бы хорошо, но ей приспичило в туалет, а как ссать, если Сталин должен это делать стоя, а она так не может? В другой раз ей приснилось, что у нее выпало сердце, и она его искала, ползая по комнате на четвереньках. Потом у нее «пропало тело». Она встала, принялась ошупывать диван, на котором спит, тела нет...

– Весело тебе.

– Да скучать не приходится, это точно. Но днем, когда окончательно проснется она вполне нормальная. На днях, правда, чуть не отмочила. Пошли мы с ней на прогулку. Заходим за дом, а там чуть ли не посреди тротуара сидит на корточках бомж. Сидит в черной куртке спиной к нам. Смотрю, мама идет прямо на него. Я беру ее под руку и увожу в сторону. Прошли мы мимо бомжа, и тут мама выдает: «Так это мужик! А я уже собиралась его пнуть ногой. Смотрю, а посреди дороги черный кулек с мусором лежит. Какая-то сволочь уже бросила, думаю, и хотела от злости его ногой поддать. Потом подхожу ближе, смотрю, а у него голова. Причем я даже не голову заметила, а торчащие во все стороны уши».

Сегодня ей позвонила подруга, у которой брат работает каким-то крупным патологоанатомом. Так мама попросила ее узнать у брата, где у нас ближайший крематорий, и нужно ли там занимать очередь заранее.

– Извини, мне пора, – спохватился я, посмотрев на часы.

– Знаешь, когда с мамой это произошло, я вспомнил людей, которые вылизывают могилы своих близких до блеска, и подумал, что если всю эту заботу и любовь, да дать человеку при жизни... Поэтому я пытаюсь скрасить оставшееся у мамы время, сделать ее жизнь максимально комфортной. Конечно, я не идеальный, и делаю это, как могу, но я делаю это при жизни... – говоря это, он смотрел на меня так, словно хотел сказать нечто большее, нечто, для чего нет слов.

Не зная, что ответить, я крепко пожал ему руку. Затем, вернувшись домой, приготовил к приезду Вали обед, а когда она вошла в квартиру, бросился ей на шею, стараясь вложить в свои объятия всю свою любовь.

– Ты чего? – спросила она.

– Ничего. Просто я тебя сильно-сильно люблю и очень по тебе соскучился.

То была моя последняя встреча с Господом. Не то, чтобы мы поссорились или надоели друг другу. Просто ни у него, ни у меня больше не возникло желания позвонить, пригласить в гости, договориться о встрече. Да и на улице нас как-то не сталкивала больше судьба. Надеюсь, что с Господом все хорошо, его маме становится лучше, и вообще они живут в мире и согласии. От всей души желаю ему добра.

У нас с Валюшей тоже все хорошо. Помня слова Господа, я стараюсь отдать ей все при жизни. Не знаю, как ей, а мне это чертовски нравится. Что же до смерти, то я совершенно без понятия, чем она была: действительно смертью, помешательством или чем еще... Я особо об этом не думаю. Как сказал когда-то шеф, не стоит ломать голову, ибо это может получиться, и что тогда? Вот я и не ломаю.

Тем более что наша сила, если разобраться, в незнании. Ведь именно незнание заставляет нас искать ответы, находить решения, видеть Мир с особой, никому еще не открывшейся стороны. Ведь только благодаря незнанию того, что тела тяжелее воздуха летать не могут, людям удалось подняться в небо. И так во всем. Знание же – это тупик. Это как шоры и трамвайные

рельсы с невозможностью сделать шаг в сторону. Ведь если ты все о чем-либо знаешь, разве сможешь ты увидеть в этом что-либо новое?

И, конечно же, я говорю о незнании, как об отношении к Миру, при котором каждый ответ – это лишь еще один участок для взращивания вопросов, а каждый шаг – творение перекрестка с множеством путей; а не о стремлении к банальной тупости и отсутствию эрудиции. И кстати, вы не замечали, что чем тупее человек, тем более знающим он себя считает, а самые тупые знают все?

Что же до меня, то моя жизнь продолжается, и я ставлю не точку, а многоточие.

11 10 2011.

Про любовь

*Мне кажется, я узнаю себя
В том мальчике, читающем стихи;
Он стрелки сжал рукой, чтоб не кончалась эта ночь,
И кровь течет с руки.*

Борис Гребеничиков «С той стороны зеркального стекла».

*Наступает время нам на пятки, на горло и на хвост,
Бери свои манатки – нас кинули, нам кинули кость.
Играет музыка в прятки, бежит во все лопатки вода,
Бьют часы по морде словами «сейчас» и «никогда».*

Ольга Арефьева «Мама-Мама».

0

– ...девочка моя, радость моя, солнышко мое милое, дуреха моя ненаглядная, счастье мое, красотуля моя, капризуля... – шептал он, нежно едва касаясь губами, ее лица, глаз, щек, уголков рта, плеча, шеи...

Они лежали уставшие и счастливые после бурных ласк, после страстных объятий, после долгой, прекрасной любви...

Они – это:

Он – Сергей Петрович Власов. Психолог. Кандидат наук. Высокий, склонный к полноте сорокалетний мужчина, скорее, симпатичный, чем нет. Нелишенный интеллекта.

Она – Елена Владимировна Пшеничная. Риэлтер. Сорок три года. Среднего роста красивая, не полная, но и не модель, женщина. Выглядит намного моложе своих лет.

Он целовал ее, нашептывая те известные всем ласковые слова, которые наполняются смыслом только наедине с любимым или любимой. Он целовал ее, а она ласково гладила его свободной рукой (на другой руке лежала его голова) по спине по волосам, по лицу. Она отбросила все свои социальные маски и щиты, и была рядом с ним абсолютно близкой, доверчивой, беззащитной, родной...

– Я тоже люблю тебя... люблю так сильно... люблю...

Она по-детски обхватила его руками и крепко прижала к себе.

– Я люблю тебя... люблю, как никогда не любила... никогда...

Ее глаза стали мокрыми от слез. Он не мог этого видеть, но, как обычно, почувствовал перемену в ее настроении. Они практически с самого начала умели чувствовать друг друга, ловить малейшие нюансы и колебания настроения, узнавать желания еще до того, как те успевали созреть для словесного выражения. Подобная близость исключала возможность лжи, недомолвок, утаивания, поэтому (но не только поэтому) одним из краеугольных камней их любви была абсолютная искренность без тайн и секретов. Тем более что за все десять лет, что они были вместе, ни у кого из них ни разу не появилось причины или повода для лжи.

– Что с тобой? – спросил он.

– Что? – переспросила она.

– Ты плачешь...

– С чего ты взял?

– Я же чувствую тебя, или ты забыла?

Он немного отодвинулся от нее, чтобы было видно ее лицо.

– Все хорошо, малышка...

Он вытер слезы с ее щек.

– Не знаю... Я не знаю, что со мной. Я тебя так сильно люблю, что без тебя...

– Дуренушка. Я с тобой, я твой, собственный, навсегда...

– Навсегда, – прошептала она.

Он прижал ее к себе, положил ее голову на свое плечо...

– Расскажи что-нибудь, – попросила она.

– Хочешь сказку на ночь?

Она чуть кивнула головой.

– Хорошо, я буду рассказывать, а ты слушай и засыпай...

1

Несмотря на то, что была середина июня, Сергей спал, укрывшись с головой теплым пуховым одеялом. Сплит-система была выключена. Окно закрыто, но не зашторено, чтобы не лишать высокое, почти ростом с него выщущееся растение, – оно стояло в двухведерном горшке под окном, – утренних солнечных лучей. Часы показывали 08—00.

Право спать вот так в летнюю жару, а зимой врубать на полную электрообогреватель он добыл в результате жестоких сражений и мирных переговоров, отдав за него полцарства и многое-многое другое.

Проснувшись, он не стал сразу открывать глаза. Вместо этого он сладко несколько раз потянулся, после чего попытался обнять Лену, которая, по крайней мере в его мыслях, должна была лежать рядом. Не обнаружив ее рядом, он открыл глаза, сел на край кровати и с третьей, наверно, попытки попал ногами в тапочки.

– Леночка! – громко позвал он, – Лена! Ленуся!

Ответа не последовало. Словно Фома неверующий он обследовал свою трехкомнатную квартиру «хрущевского» образца, не забыв заглянуть в ванную и туалет, чтобы убедиться, что ее нет дома. Скорее всего, – решил он, – она отправилась показывать квартиру какому-нибудь особо трахнутому на голову клиенту.

Он вернулся в спальню, взял с тумбочки мобильный телефон, нашел ее имя в записной книжке...

– Абонент временно недоступен, – сообщила на двух языках труба.

– Ладно, – сказал он себе, отправляя ей СМС: «Я тебя люблю».

После этого он перебрался на кухню готовить завтрак. В то утро его вдохновения хватило лишь на кофе с гренками. Гренки он предпочитал соленые с мелко порезанным чесноком. Ему нравился вкусовой оттенок, который придает чеснок яйцам, и жарил без чеснока разве что только глазунью.

Когда-то давно, еще в прошлой жизни, он добавлял чеснок и в кофе, когда варил его с медом и чесноком, но Леночка приучила Сергея к максимально крепкому кофе без сахара, сливок и чего бы то ни было еще.

Позавтракав и приняв душ, он надел огромные, размера на три больше чем нужно, семейные трусы, преклонного возраста футболку и шорты, затем включил ноутбук. Вместе с прочей хренью, которая, несмотря на антиспам, сыпется в почтовые ящики, он получил письмо из редакции...

В целях рекламы он вел колонку психолога в одной из городских газет. Для этого надо было пару раз в неделю отвечать на письма читателей, причем только на те письма, которые отбирала для него редакция.

На этот раз письмо было от школьницы, ученицы старших классов.

«Уважаемый Сергей Петрович, – писала она, – я всегда с большим интересом читаю Вашу «Колонку психолога», которая очень помогает людям справиться со своими трудностями и проблемами, а теперь вот решила и написать. Дело в том, что я – очень высокая, почти 1 м 90 см и худая. Из-за этого у меня проблемы с общением, так как одноклассники и не только дразнят меня дылдой и не хотят со мной дружить. И мне очень-очень плохо. Не знаю, можно ли чем мне помочь, так как уменьшающих рост пластических операций еще не изобрели, но надеюсь, что вы сможете что-нибудь посоветовать или подсказать. Буду ждать с нетерпением Вашего ответа на страницах газеты.

С уважением, Ирина П».

Он не любил консультировать заочно в культурно массовом порядке таких подростков, потому что подобная озабоченность своей внешностью могла быть как обычной возрастной проблемой, так и одним из симптомов весьма нехорошего психического заболевания, вполне способного привести к суициду.

– Тебя бы, Ирина П., да показать психиатру, – проворчал он, – но такое печатать в газетной колонке нельзя.

Потянувшись в кресле, он приступил к ответу.

«Дорогая Ирина!

Прежде всего, тебе надо осознать, что ты не совсем правильно понимаешь суть своей проблемы, и мешает тебе то, что ты многие весьма спорные вещи принимаешь как само собой разумеющиеся.

Так, например, ты пишешь, что одноклассники смеются над тобой и дразнят тебя из-за очень высокого роста, тогда как сам по себе твой рост имеет второстепенное значение. Смеются над тобой потому, что ты ведешься на их издевательства. Им интересно тебя дразнить, вот они и дразнят. Не было бы твоего роста, они нашли бы другой предлог.

Опять же ты «слишком высокая» не потому, что твой рост 1 м 90 см – это всего лишь результат измерения, а потому, что ты сама считаешь себя слишком высокой и поэтому некрасивой. Ты сама всем своим видом говоришь людям, что ты неинтересная и плохая, поэтому с тобой никто и не хочет дружить. При этом слишком высокой тебя делает исключительно сравнение с, так сказать, «нормальным» ростом девочки твоих лет. Однако, любая норма – вещь условная, и с тем же успехом можно принять за нормальный твой рост, а тех, кто ниже считать карликами. Это как в похождениях Гулливера. В стране лилипутов он казался великаном, тогда как, попав к великанам, сам стал выглядеть, как лилипут.

У тебя есть только один способ обрести естественный рост: стать самой для себя тем экспертом или авторитетом, который будет решать, что для тебя нормально, а что нет. Для этого тебе нужно наполнить себя содержанием, стать интересной, прежде всего, для себя. Тогда ты станешь интересной и для других.

К сожалению, о том, как этого добиться, на страницах газеты не напишешь, поэтому, я бы рекомендовал тебе обратиться за квалифицированной психологической помощью, например, ко мне, по адресу, указанному в конце статьи».

Ожил мобильный телефон.

«Ленуля!» – обрадовался он. Но радость тут же сменило разочарование, когда, взглянув на дисплей, он увидел незнакомый номер.

– Да, – недовольно буркнул он в трубку.

– Алло! Алло! Сереженька! Это я, баба Женя. Узнал? – услышал он слишком громкий старушечий голос. Баба Женя во всю глотку вопила в трубку, словно пыталась докричаться до него без помощи средств связи.

– Да, конечно, тетя Женя, – ответил он, убирая трубу на безопасное расстояние от уха.

– Вот и хорошо, что узнал. Как мама?

– Ничего, терпимо. Как вы?

– Спасибо! Храни вас господь, Сереженька, ты извини, что я позвонила.

– За что извинять-то?

– Как за что? Ты что-то делал, чем-то занимался, а я звоню, отрываю тебя...

– Да нет, ни от чего вы меня не отрываете.

– Не отрываю? Вот и хорошо. Я чего звоню. Мне тут газ провели, отопление паровое. Думала, дом развалит, но ничего, с божьей помощью обошлось, а я уже думала, не доживу. Теперь котел мне житья не дает. Пыхает, твори молитву. Ничего-ничего. А потом как пыхнет!

Жутко делается. Днем еще не так, а вот ночью... (говорят они так: ночью, в церкву, для себе.) Когда-нибудь пыхнет так, что и проснуться не успею, твори молитву. Что я только с ним ни делала. И молилась ему, и уговаривала, и святой водой брызгала. После святой воды он вроде тише стал, а потом опять. Пошла я в церкву, чтобы, значит, свечку ему поставить, да чтоб батюшка за него помолился, а он говорит, что котлам свечи не ставят и за здоровье им не служат. Нет у них души, твори молитву. А как нет, чего он пыхает, чего ему надо? Я уже с ним и похорошему пыталась, говорила с ним, просила, свет ему оставляла, а он хоть бы что. Приходил газовщик, а что ему, котел-то не его. Ничего, говорит, он не пыхает, а работает как надо. Где же, как надо, когда горит-горит, потом затухает совсем, а потом как пыхнет! Ярко-ярко и шумит. Я в первый раз, когда увидела, что он затух, думаю, посмотрю, что он там, так он дождался, когда я голову в поддувало засунула, и прямо в лицо мне как пыхнет! Назло ведь. Сын приезжал. Это, говорит, автоматика. Я понимаю, автоматика, когда работает и работает, а он пыхает. Может порча у него или сглаз? Сказали мне, что есть бабка хорошая, чудеса творит. Может сходить, пусть почитает?

– Какая еще бабка, тетя Жень, что вы как, в самом деле.

– Что? Не надо бабку?

– Не надо вам никаких бабок. Нет у него порчи, и быть не может.

– У него не порча? Ага. А что?

– Все нормально. Пусть пыхает. Если бы не пыхал, то хату бы спалил.

– Тогда конечно пусть пыхает, так ему и скажу, твори молитву. Спасибо тебе, Сереженька, пребольшое. Успокоил ты меня, храни тебя господи. А то я уже не знала, что и делать...

Поговорив по телефону, он набрал номер Лены.

– Да, – сказал хрипловатый мужской голос.

– Могу я услышать Елену Владимировну? – спросил он.

– Таких здесь нет даже за деньги.

– Извините.

Решив, что произошел сбой в записной книжке, он набрал ее номер вручную.

– Что еще? – спросил тот же мужской голос.

– Извините, я звоню... – он назвал номер.

– Правильно.

– Мне нужна Елена Владимировна. Это должен быть ее номер.

– Тебе она дала этот номер?

– Да.

– Не парься. Они часто дают левые номера, если не хотят, чтобы им звонили...

– Хрен знает что, – растерянно сказал Сергей, набирая ее рабочий номер.

Трубка ответила короткими гудками.

– Наши поезда самые поездатые поезда, – проворчал он, убирая телефон.

Пора было собираться на работу. Он снял со спинки стула светлые брюки, но, решив, что они слишком мятые, бросил их на сиденье. Альтернативой были старенькие джинсы, правда, слишком теплые для стоявшей погоды. Гладить брюки было лень, а идти на работу в шортах... Прежде, чем надевать джинсы, он надел высокие до колен черные носки (более короткие или иного цвета носки он не признавал). Обул он светлые летние туфли, настолько удобные, что ногам в них было почти как в тапочках.

На работу он именно ходил – одно из достоинств жизни в небольших городах заключается в том, что на работу можно ходить пешком. Большая часть маршрута проходила через частный сектор с его свежим воздухом, зеленью, запахом цветов и практически отсутствием машин. Такая прогулка, а на работу он добирался минут за тридцать средним шагом, была не только приятной, но и полезной, тем более что тратить время на однообразные движения в спортивном или тренажерном зале ему было лень.

В практически никогда не пересыхающей луже за соседним домом плескалось трое детей: мальчик и две девочки. Они сидели посреди лужи в еще совсем недавно чистой одежде и с поистине детским самозабвением поливали друг друга водой из пластиковых бутылок. Воду они набирали здесь же в луже, а бутылки, скорее всего, нашли на мусорке.

– Вы чего это делаете? – еле сдерживая смех, спросил он.

– Купаемся, – ответила одна из девочек.

– В луже?

– А где нам еще купаться, если родители не хотят нас возить на пляж? Лето же проходит, – философски заметила она.

Логика была железной, хоть и немного хармсовской.

– Это точно, – согласился он.

Поликлиника частной больницы, в которой он работал психологом, занимала здание и территорию бывшего детского садика. В девяностые садик закрыли, и здание вместе с территорией передали районному управлению милиции. Блюстителю порядка установили на окнах добротные решетки и воздвигли вокруг бывшего садика высоченный забор, который венчала колючая проволока. На этом реконструкция территории закончилась. В результате вместе с колючей проволокой, вооруженными людьми и людьми в наручниках мирно сосуществовали детские кораблики, лошадки, песочницы и прочие составляющие детской площадки.

Позже милицию перевели в более удобное место, а бывший садик выкупили владельцы больницы. Они сняли колючую проволоку с забора, сделали перепланировку здания и восстановили детскую площадку, чтобы маленьким пациентам было чем себя занять.

В одной из беседок три дамы в белых халатах пили чай.

Самой старшей из присутствующих дам была Александра Ивановна, сорокапятилетняя пышных форм крашеная блондинка. Причем она была скорее крупной, чем толстой. Ее вполне можно было назвать симпатичной, но, несмотря на это и на поистине ангельский характер, она несколько лет была одинокой. Она сама воспитывала двух дочек, красавиц и, судя по результату, воспитывала неплохо. Работала она физиотерапевтом и была знаменита тем, что с ней постоянно что-либо случалось. На прошлой неделе, к примеру, пошла она в клуб знакомств. Увидела там, среди, как она их называет, «некондиционного товара» одного вполне приличного на вид человека. Познакомилась. Он оказался инженером. Весь вечер вел себя обходительно, не приставал, не хамил, и вообще был очень интересным собеседником. Ближе к закрытию пригласил ее к себе в гости на кофе, а жил он рядом с клубом. Она согласилась. Пришли. Он проводил ее в комнату, извинился, попросил подождать, сам пошел варить кофе. Ушел, и с концами. Уже десять раз можно было сварить. Она собралась уходить, когда распахнулась дверь, и чуть ли не под бой барабанов в комнату на роликовых коньках въехал совершенно голый господин инженер. Она опешила, а он говорит: «Бери за него и катай», – и показывает на член. Она начала, было, возмущаться, но он пригрозил, и пригрозил серьезно. Так до утра она его и катала.

Из-за того, что, везде, где она появлялась, случалось что-либо экстраординарное, она с легкой руки Сергея получила прозвище Мисс Марпл.

Следующей по старшинству была Альбина Сергеевна, настоящая русская красавица чуть старше тридцати лет, с толстой русой косой до пояса. Она была знаменита тем, что вила из мужа веревки и при каждом удобном случае добавляла новую ветку к его и без того роскошным рогам. При этом она даже не пыталась скрывать свои проделки. Зато мужу запрещалось даже смотреть на других женщин. Такой сукой она была исключительно с мужем, которого презирала за его бесхребетность. Если бы он держал ее в руках и временами даже поколачивал, она была бы без ума от счастья, но муж оказался слабовольным и бесхарактерным, неспособным даже толком на нее накричать, одним словом, настоящим интеллигентом. С другими людьми она была ласковой, приветливой и надежной. То есть, на нее всегда можно было положиться

не только в буквальном смысле. С Сергеем у них была похожая на платоническую любовь дружба. Кстати, Сергей был единственным мужчиной, к которому, несмотря на отсутствие малейших намеков на секс, ее ревновал муж.

– Его ты любишь, а меня нет! – упрекал он Альбину.

– Ты прав, его я люблю, – с вызовом отвечала она.

Лена тоже буквально зеленела от ревности от одного ее имени, хотя ни причины, ни повода для ревности Сергей ей не дал ни разу.

Работала Альбина невропатологом, причем была неплохим специалистом.

Самой юной была Яна Викторовна, двадцатипятилетняя барышня романтических взглядов на жизнь. Ее идеей фикс было желание выйти замуж, причем она была настолько сильно заиклена на замужестве, что отпугивала этим парней. Работала она терапевтом.

– Три девицы под окном пили водку вчетвером. Привет девчата, – поздоровался он, – что слышно?

– Александру Ивановну сегодня ограбили, – сообщила Альбина.

– Да вы что?! – слишком уж наигранно удивился он. – Как же так, Александра Ивановна?

– Да вот, надо было в поликлинику заглянуть, так решила сократить путь, – начала она охотно рассказывать.

Путь в поликлинику... Конечно, можно было бы пойти нормальной дорогой, по относительно благополучному тротуару, мимо лавочек, приспособленных предприимчивыми бабульками под прилавки для своих незатейливых товаров, мимо ларьков, торгующих пивом, мимо... Но это далеко. К тому же возле ларьков, наверняка вертелся тот тип, который с выражением глаз бездомного пса (распространенное явление среди профессиональных алкоголиков) вечно кланчит деньги на бутылку. Алкоголики вызывали у нее ощущение, которое обычно возникает после посещения инфекционного отделения больницы или грязного общественного туалета, когда испытываешь желание принять ванну. Да и стоит такому хоть раз дать взаймы...

Другой путь лежал через полузаброшенную подворотню, почти безлюдную, которую обожали совсем еще юные парочки, и желающие облегчить мочевые пузыри граждане. Удобное место для зажималочек и несанкционированных распитий или накуриваний. Правда, там всегда воняло мочой и еще чем-то неприятным, но трудностей в нашей героической стране бояться люди не привыкли.

В подворотне невзрачного вида подросток самоотверженно терся о такую же малопривлекательную на вид пигалицу. Она глупо хихикала и делала вид, что пытается сопротивляться. Видно, это возбуждало ее верного рыцаря.

Александра Ивановна всегда чувствовала себя неловко, когда становилась свидетельницей подобных сцен. Что же до любовничков, они ее вообще не замечали. Хотелось прибавить шаг, отвернуться, не смотреть... Хотя, какого черта... она же не в замочную скважину подглядывает. Александра Ивановна целиком и полностью ушла в анализ собственного состояния, и опомнилась только после того, как парень выхватил у нее из рук сумочку и скрылся со своей Дульсинеей в неизвестном направлении.

– Украли много? – с деланным сочувствием спросил Сергей.

– Целую банку анализов, – ответила за нее Альбина.

– Аля, – смутилась Александра Ивановна.

– Хотелось бы взглянуть на их рожи, когда они увидят, что кроме банки с мочой и коробочки с калом в сумке ничего нет. Да и сумка такая, что давно уже по ней мусорка плачет.

У кабинета его ждали немного заторможенный мальчик дошкольного возраста и излишне издерганная мамаша. Несмотря на то, что до назначенного времени было еще минут десять, она ежеминутно бросала взгляд на часы.

И ходят по дорогам слоны и носороги, – пронеслось у Сергея в голове.

Увидев его, она закричала чуть ли не за километр:

– Здравствуйте, доктор! Я опаздываю на работу... Артурчика заберет бабушка.

Затем пулей вылетела из коридора.

– Привет, как дела? – спросил он у мальчика, когда тот уселся в кресло для клиентов.

– Нормально.

– Чем занимался?

– На выходные мы, а это я, мама, папа, сестра и бабушка ездили на дачу... – рассказывал он, словно читал заученный текст.

Зазвонил мобильный телефон.

– Привет, – услышал он голос Вадика, – когда освобождаешься?

С Вадиком они были знакомы еще со школьных времен. Периодически их пути то сходились, то расходились, то сходились вновь. Когда-то Вадик был трагически женат, потом, спустя, наверное, год он благополучно развелся, после чего стал героем кобелистического труда. Работал он то в налоговой, то в юстиции, то в администрации, то еще хрен знает в какой конторе. Месяца за два до описываемых событий он устроился в администрацию полномочного представителя президента. При этом, несмотря на довольно-таки специфические должности, он умудрился остаться, мягко говоря, законченным разгильдяем. Он забывал данные обещания, имел не семь, а четырнадцать пятниц на неделе и постоянно занимал и не отдавал какие-то деньги, что не мешало ему быть прекрасным собеседником, великолепным организатором досуга и просто человеком, с которым не скучно проводить свободное время.

– Минут через двадцать. А что?

– Как насчет пожрать?

– Да можно.

– Тогда через полчаса в «Баклане».

– Ну там плюс-минус...

«Баклан» был очень даже замечательным рестораном, позиционирующим себя как традиционное балканское заведение. Неприметный снаружи, внутри он был уютным, но без лишних понтов. Готовили там вкусно, а цены были ниже, чем в недорогих кафе для молодежи и студентов.

В отличие от мамы, бабушка Артурчика оказалась очень разговорчивой и любознательной женщиной раннепенсионного возраста. Она хотела знать все о своем внуке в мельчайших подробностях, включая его психологический портрет и дальнейшую судьбу, точно Сергей был астрологом или гадалкой. Интересно, с чего это народ взял, что психолог должен буквально видеть клиента насквозь чуть ли не с первого взгляда?

– Извините, у меня совещание, – выдал он бабушке Артура в ответ на ее тысячу и один вопрос и, пока она не опомнилась, поспешил на улицу.

В двух-трех шагах от поликлиники была автобусная остановка, возле которой всегда толпились невостребованные такси. «Баклан» находился в пяти остановках от поликлиники, но время... Оно не то, чтобы поджимало, но на лишнюю раскачку его не было. Поэтому после мимолетного раздумья Сергей взял такси.

Вадик ждал его внутри.

– Сегодня познакомился с одним интересным мужиком, – рассказывал Вадик, уплетая за обе щеки мусаку. – Он профессиональный маг.

– Поклонник Блавацкой и Грабового? – язвительно спросил Сергей, налегая на пасту с морепродуктами и в чернилах кальмара.

– Я тоже сначала так думал, а потом мы поговорили, оказался вполне разумным мужиком. Собирается открывать у нас тут бюро эзотерического туризма, чтобы каждый желающий за умеренную плату мог бы приобщиться к поискам Шамбалы или поучаствовать в охоте на атлантов и лемурийцев. При этом он не скрывает, что это не более чем завернутый на мистике досуг для богатых любителей эзотерических тайн и «Секретных материалов».

– И какое это имеет отношение к магии?

– Эзотерический туризм? Никакого. Магия, как он мне объяснил, условно делится на практическую и магию собственной трансформации. Причем практическая магия – это что-то вроде дополнительного элемента, улучшающего быт мага.

– О собственной трансформации мы вроде бы как слышали...

– Практическая магия, по его словам, является братом-близнецом прикладной науки. И если научное мышление основано на вере в причинно-следственную связь, то в основе магического мышления лежит такая же вера в связь синхронистическую. Другими словами, если ученый пытается создать необходимый комплекс причин для достижения какого-то результата, то маг в мельчайших деталях создает сопутствующее результату событие. Обычно такую сопутствующую последовательность действий принято называть ритуалом. Причем ученые и сами далеко не брезгают использовать ритуалы. Взять те же традиции космонавтов, которые неукоснительно соблюдаются от старта к старту. Та же хрень, которую пишут в ныне популярных магических книгах, имеет такое же отношение к магии, как кухонные рассуждения пьяных пролетариев о «Есть ли жизнь на Марсе?» – к науке.

– Тебя подвезти? – спросил Вадик, когда с обедом было покончено.

– Подвезти, – согласился Сергей.

Будучи настоящим автонеенавистником, он садился за руль исключительно в особо экстренных обстоятельствах. Обычно же он предпочитал пешие прогулки. На втором месте у него была езда на пассажирском сиденье рядом с водителем. Благо, Лена обожала водить машину, и если им предстояло ехать куда-то вдвоем, а по одиночке они ходили только на работу, никогда не возникал вопрос, кто сядет за руль. Самым смешным было то, что именно он преподавал ей уроки вождения, а потом отдал в вечное пользование свою «Мазду». На третьем месте в списке предпочтений было такси, за которым шел уже общественный транспорт.

Вернувшись в кабинет, Сергей первым делом набрал ее рабочий номер.

– Агентство недвижимости «Пилигрим», – сообщил приятный женский голос.

– Мне нужна Пшеничная Елена Владимировна.

– К сожалению, ничем не могу вам помочь.

– Вы давно работаете в агентстве? Может, вы еще не знаете весь персонал?

– Да нет, я здесь с самого начала.

– Это Сергей Власов.

– Простите, но мне это имя ни о чем не говорит.

– Ничего не понимаю... Скажите, а вы единственное агентство с таким названием?

– По крайней мере, в нашем городе точно.

– Извините.

Выпроводив, наконец, за дверь своего последнего клиента, Сергей вскочил на ноги и принялся ходить из угла в угол, затем, резко остановившись, он набрал свой домашний номер. Паузы между гудками казались ему вечными. Выждав минут, наверно, пять и, не дождавшись ответа, он позвонил в диспетчерскую службу такси.

– Пришлите, пожалуйста, машину по адресу... Да, это поликлиника. Спасибо.

Сев в такси, он назвал ее адрес. Несмотря на то, что уже несколько месяцев они жили вместе в его квартире, иногда, когда ей надо было побыть одной, она уходила на несколько дней к себе. Это не было результатом скандала или объявления войны. Скорее всего, это как-то было связано с изменением ее гормонального фона, но буквально с самого начала их отношений примерно раз в один-два месяца у нее появлялась на него аллергия – противнейшее состояние, когда ее раздражало в нем практически все. Дня через три аллергия уступала место любовной страсти. Он все еще надеялся, что ее исчезновение было связано с одним из таких внеплановых обострений.

- Подождите, – попросил он таксиста, выходя из машины.
- Ожидание платное, – предупредил тот.
- А что нынче даром?

Вместо обычного в наши дни домофона на двери подъезда был кодовый замок. Дрожащей рукой он набрал комбинацию из четырех чисел. Замок открылся. Что ж, по крайней мере, здесь все было так же, как и раньше. Лифт, как обычно, медитировал где-то между этажами и отвлекаться на какой-то там жалкий вызов не собирался. Ждать у Сергея не было сил, поэтому он помчался вверх по лестнице, перепрыгивая через две ступеньки. Благодаря бушевавшему в крови адреналину он не заметил, как оказался на шестом этаже, где была квартира Лены. Входная дверь была та же самая. Металлическая, с чуть заметной царапиной на левом наличнике.

Молясь всем богам и никому конкретно, он нажал на кнопку звонка.

- Кто там? – услышал он незнакомый женский голос.
- Я ищу Пшеничную Елену Владимировну.
- Здесь такая не проживает.
- Может, она проживала здесь раньше? Вы давно здесь живете?
- Всю жизнь. И никогда о такой даже не слышала.
- Извините...

Он даже не попытался вызвать лифт, а сразу бросился бегом вниз по лестнице.

– Давай быстрее, – сказал он таксисту, назвав свой адрес.

Он еще не понимал, что происходит, его психика еще отказывалась признавать, что случилось что-то непонятное, экстраординарное, невозможное, а инстинкты уже заставили организм перейти на форсированный режим работы.

Сунув таксисту какую-то купюру и не дожидаясь сдачи, он помчался к себе в квартиру. Ключ попал в замочную скважину только с третьей попытки.

– Лена! Леночка! – позвал он, даже не рассчитывая, что она ответит.

Дома ее не оказалось. Тогда он бросился к шкафам и тумбочкам. Ее вещей не было нигде. Они исчезли, причем не так, как исчезают вещи, когда их забирают, – тогда вместо вещей остается хотя бы пустота, – а исчезли без следа, словно их никогда в его доме не было.

– Ну не могла же ты мне присниться! – закричал он и принялся переворачивать все в квартире, надеясь обнаружить хоть какие-то ее следы. На кухне на стене за микроволновкой он нашел еле заметное красное пятно. Винегрет!

Как давно это было...

Они сидели тогда на кухне втроем. Он, она, Вадик. Сидели, разговаривали ни о чем, ели винегрет, пили чай...

Какой черт его тогда надоумил бросить в нее спичку. Она всегда достаточно бурно реагировала на подобные посягательства на свою персону, и успокаивалась только, когда ей удавалось ответить «огнем из всех орудий».

Она схватила коробок, вытащила из него все спички и бросила их ему в лицо. Следом за спичками полетел коробок. В ответ он бросил в нее сигареты из лежавшей на столе пачки. В следующее мгновение пепельница оказалась у него на голове. В нее полетел винегрет...

Вадик пулей вылетел из кухни, словно кот из комнаты, где включился пылесос.

– Я пойду! – крикнул он из прихожей, но им было не до него. Винегретная баталия была в самом разгаре.

И все из чистого ребячества и азарта. Они словно дети, визжа от восторга, швырялись винегретом.

Когда закончились боеприпасы, они заключили друг друга в объятия.

- Ты грязный фу! – игриво сказала она, во время короткой паузы между поцелуями.
- На себя посмотри.

По дороге в ванную они срывали друг с друга одежду, а после купания больше похожего на ласки перебрались в постель...

– Ну где же ты?! Где?!

На негнущихся ногах он перешел из кухни в зал, – функциональное разделение комнат в оставшихся от советских времен квартирах – вещь более чем условная, – сел в кресло... Он сидел, не включая свет, и наблюдал, как коллапсирует его психика.

Никогда, разве что в раннем детстве, он не мечтал о приключениях, предпочитая тихую спокойную жизнь, желательно, чтоб без каких-либо событий и новостей. Он даже телевизор старался лишней раз не смотреть.

И надо же было, чтобы это случилось именно с ним, не с каким-то придурком, который жить не может без адреналина, не с тем, кто от скуки готов лезть в петлю, а с ним, с человеком, которого больше всего устраивала в жизни именно ее будничная непримечательность, однообразие и постоянство.

2

Начиналось все еще более нелепо, чем в мексиканских сериалах. К тому времени, когда в нем вспыхнула страсть, они были знакомы уже около двух лет. Сергей тогда был в свободном полете, у нее была семья: муж и двое детей. Ее брак уже был похож на «Титаник» после встречи с вошедшим в историю айсбергом, но внешне все выглядело вполне прилично.

Они регулярно встречались во время застолий у общих знакомых, останавливались поболтать, когда случайно встречались на улице, оказывали иногда друг другу мелкие услуги. Дружьями они тогда не были.

Любовь обрушилась на него, как гром среди ясного неба. Это произошло во время случайной встречи. Они стояли, разговаривали о всякой ерунде. Она была с сыном. Он так и не понял, что же тогда произошло. Его словно ударило током. Еще мгновение назад он не думал о ней, даже как о возможной мишени для флирта, и вдруг...

Любовь с первого взгляда после двух лет знакомства! О таком он никогда не слышал. Тогда он попытался отогнать возникшее чувство, как мимолетное глупое наваждение, но с каждым днем он все больше и больше думал о ней. Она стала его прогрессирующей паранойей. Ему не потребовалось много времени, чтобы понять, что сопротивление бесполезно, что чувства сильнее, что его желания или нежелания (любовь не входила тогда в его планы) не имеют ровным счетом никакого значения для обрушившейся на него силы.

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «ЛитРес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на ЛитРес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.